

ДАНИЭЛЬ КЛУГЕР

МУШКЕТЕР. ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ ИСААКА ДЕ
ПОРТУ, СЛУЖИВШЕГО В
МУШКЕТЕРСКОЙ РОТЕ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ЛЮДОВИКА XIII ПОД
ИМЕНЕМ ПОРТОС

Даниэль Клугер

Мушкетёр

«Издательство Пятый Рим»

2018

УДК 39
ББК 63.3(0=...)

Клугер Д.

Мушкетёр / Д. Клугер — «Издательство Пятый Рим», 2018

ISBN 978-5-9908266-4-9

Мы с детства знакомы с мушкетерами Александра Дюма, о каждом из них мы знаем очень и очень многое. Вернее, почти о каждом. О самом, казалось бы, простом из великолепной четверки, о Портосе — мы не знаем ровным счетом ничего. При этом образ его далеко не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Читатели традиционно воспринимают его как добродушного, недалекого великана, но так ли это на самом деле? Попробуем разгадать тайну Портоса вместе с исторической фантазией Даниэля Клувера!

УДК 39
ББК 63.3(0=...)

ISBN 978-5-9908266-4-9

© Клугер Д., 2018
© Издательство Пятый Рим, 2018

Содержание

Необходимое предисловие	6
Глава первая,	9
Глава вторая,	18
Глава третья,	26
Глава четвертая,	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Даниэль Клугер
Мушкетер
Подлинная история Исаака
де Порту, служившего в
мушкетерской роте Его Величества
Людовика XIII под именем Портос

© Клугер Д., 2017

© Издательство «Пятый Рим»™, 2017

© ООО «Бестселлер», 2017

Необходимое предисловие

Есть книги, при каждом прочтении которых открывается что-то новое и неожиданное. Наверное, у каждого это своя книга. У меня – «Три мушкетера» Александра Дюма. Перечитывая ее не так давно, я обратил внимание на одну загадку, пытаюсь разгадать которую я и пришел, в конце концов, к написанию повести, предложенной вашему вниманию. Суть этой загадки такова: кто все-таки из четырех отважных друзей самый таинственный?

Попробуем разобраться. С главным героем, д'Артаньяном, все понятно – и биография его (романная) нам известна, и происхождение, и причины приезда в Париж. Главный кандидат на самую таинственную личность, без сомнения, Атос... Так ли? Да нет, оказывается! Он лишь напускает на себя таинственность! Довольно скоро (вместе с д'Артаньяном) мы узнаем о нем многое: и то, что он – граф де Ла Фер, и о трагедии, которая разбила ему жизнь и заставила под вымышленным именем поступить в мушкетеры простым солдатом. Дальше – Арамис. Может быть, он? Тоже нет. Арамис, конечно, занят постоянно какими-то интригами, старательно что-то скрывает от друзей и от читателей – но в то же время рассказывает д'Артаньяну немало о прошлой своей жизни. О том, например, как, будучи молоденьким аббатом, поссорился с неким офицером, как потом отомстил, убив обидчика на дуэли, как по этой причине временно снял с себя сутану и, пользуясь поддержкой друзей отца, поступил в мушкетеры (опять-таки под вымышленным именем).

И так получается, что только о самом, казалось бы, простом из великолепной четверки, о Портосе – мы не знаем ровным счетом ничего. При этом образ его далеко не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Читатели традиционно воспринимают его как добродушного, недалекого великана, охотно предоставляющего свою шпагу и немалую физическую силу друзьям, более сообразительным и ловким (даже глава о том, как Портос и д'Артаньян, во второй книге, выбираются из ловушки, устроенной Мазарини, называется «Сила и ум»). Но при внимательном прочтении бросаются в глаза некоторые сцены и выражения, противоречащие такому восприятию. Вот, например, фраза из начала романа. Знаменитая дуэль, ставшая началом дружбы мушкетеров: «Оставались Портос и Бикара. Портос дурачился, спрашивая у Бикара, который, по его мнению, может быть час, и поздравляя его с ротой, которую получил его брат в Наваррском полку...» Не очень соответствует поведению примитивного увальня, не так ли? Скорее – насмешливый, ироничный бретёр. Далее, именно Портос нашел своему молодому другу замечательного слугу Планше:

«Слуга был рекомендован Портосом. То был пикардиец, которого славный мушкетер нанял в тот самый день по случаю этого самого обеда; он увидел его на мосту Ла-Турнель, где Планше – так звали слугу – плевал в воду, любясь разбегавшимися кругами. Портос утверждал, что такое занятие свидетельствует о склонности к созерцанию и рассудительности, и, не наводя о нем дальнейших справок, увел его с собой...»

Разумеется, обоснование рассудительности вызывает смех, но ведь Портос оказался прав: д'Артаньян приобрел не только преданного, умного и ловкого слугу, но и верного друга.

Вот его отношение к суевериям, характерным для того времени (да и нынешнего тоже):

«– Верите ли вы в привидения? – спросил Атос.

– Я верю только тому, что видел, и так как я никогда не видел привидений, то не верю в них, – ответил Портос».

А вот, например, любопытный момент из описания осады Ла-Рошели, еще лучше характеризующий нашего героя:

«– А ты знаешь, – сказал Портос, – ведь свернуть шею этой проклятой миледи – меньший грех, чем убивать бедных гугенотов, все преступление которых состоит только в том, что они поют по-французски те самые псалмы, которые мы поем по-латыни...»

Так что не так уж прост этот великан. Он насмешлив, ироничен (иногда – до язвительности), остроумен, хорошо разбирается в людях, склонен к парадоксальным суждениям – и одновременно является основным в великолепной четверке носителем здравого смысла.

И, как я уже писал выше, именно о его прошлом мы не знаем ровным счетом ничего. Ни того, что собой представляла его прежняя, домушкетерская жизнь, ни даже того, зачем ему, собственно говоря, понадобилось скрывать свое настоящее имя при поступлении на службу.

Последнему обстоятельству Дюма как будто дает объяснение – в романе «Двадцать лет спустя»:

«– Как зовут моих друзей? – повторил д'Артаньян, не решаясь довериться кардиналу вполне.

– Да. Пока вы ищете, я наведу справки, со своей стороны, и, может быть, кое-что узнаю.

– Граф де Ла Фер, иначе Атос; господин дю Валлон, или Портос, и шевалье д'Эрбле, теперь аббат д'Эрбле, иначе Арамис.

Кардинал улыбнулся.

– Младшие сыновья древних родов, – сказал он, – поступившие в мушкетеры под вымышленными именами, чтобы не компрометировать своих семей! Длинная шпага и пустой кошелёк, – нам это знакомо».

Но в том же романе, когда д'Артаньян просит у кардинала Мазарини баронский титул для своего друга, тот отвечает: «Человек без роду, без племени. Над ним будут смеяться!» И значит, предыдущие слова Мазарини насчет древних родов относятся к Атосу и Арамису – но не к Портосу.

Еще одна деталь – знание испанского языка:

«– Вот странность! – заметил Портос, медленно поднимая голову и изумленно глядя на своих друзей. – Оказывается, я знаю английский язык! Я понимаю все, что вы говорите.

– Это потому, мой дорогой, что мы говорим по-испански, – сказал ему Атос со своим обычным хладнокровием.

– Ах, черт возьми! – воскликнул Портос. – Какая досада! А я-то думал, что владею еще одним языком» («Двадцать лет спустя»).

Кстати, и здесь мы видим, что Портос за словом в карман не лезет. А вообще из этой цитаты можно сделать вывод, что испанскому языку он не учился – испанский для него родной. Как и французский. Будь на месте Портоса д'Артаньян, все объяснялось бы легко: для гасконцев, живших на границе с Испанией, испанский действительно был таким же родным языком, как и французский. Но о Портосе у Дюма сказано, что он – из Пикардии. Вот Атос говорит о поведении д'Артаньяна и Портоса, вероломно арестованных кардиналом Мазарини:

«– Это две горячие головы: один гасконец, другой пикардиец, – сказал Атос. – Они оба быстро воспламеняются и так же быстро остывают».

Словом, объяснить загадку Портоса, вернее, его предыдущей биографии, оставаясь в рамках романа Александра Дюма, не представляется возможным. Но ведь у персонажей «Трех мушкетеров» имеются исторические прототипы! Разумеется, Дюма обращался с подлинными событиями весьма вольно, но какую-то реальную основу приключения его героев имеют. Так не лежит ли разгадка в биографии именно прототипа нашего великана? Кем он был, настоящий Портос?

Согласно современным историческим исследованиям (см., например, переведенную на русский язык и изданную в ЖЗЛ книгу французского историка Жана-Кристиана Птифиса «Истинный д'Артаньян»), его звали Исаак де Порто (или де Порту). Официально он происходил из дворянской протестантской семьи. Его дед Авраам занимал должность распорядителя обедов («офицер кухни») при Наваррском дворе. Отец «Портоса», также носивший имя Исаак, служил нотариусом при Беарнских провинциальных штатах. Беарн, Гасконь – вот откуда вдруг

прорвалась в роман оговорка насчет испанского языка нашего «пикардийца». «Портос» был младшим из его троих детей. Известна дата его крещения – 2 февраля 1617 года.

Такова официальная версия историков. В одном пункте она мне кажется все-таки неубедительной – в пункте, касающемся вероисповедания. Во Франции, даже среди протестантов (гугенотов), такие еврейские имена, как Исаак, Авраам, Гедеон, Сарра (имена родителей и родственников «Портоса»), не имели распространения. В отличие от, например, протестантов английских, среди которых мы находим и Исааков, и Израилей, и Иовов (см., например, «Остров сокровищ» Стивенсона – пираты Израэль (Израиль) Хэндс или Джоб (Иов) Андерсон).

Еще интереснее – фамилия «Портоса». В Южной Франции в XV–XVIII веках оседали беженцы из Испании и Португалии – крещеные евреи (конверсо, марраны), бежавшие от преследований инквизиции. Во Франции их официально называли «португальские купцы», вне зависимости от рода занятий. Французские короли Генрих II, Генрих III и Генрих IV Наваррский большинству этих беженцев предоставили так называемые письма о натурализации. Такие письма – по сути, удостоверения личности, аналог внутреннего паспорта – уравнивали эмигрантов в правах с французами. «Исаак де Порту» вообще-то означает: Исаак из Порто (Порто – тогдашняя столица Португалии) или даже – Исаак Португалец. И очень возможно, что именно к «португальским купцам» относилась семья будущего мушкетера. Понятно и то, что беженцы предпочитали селиться в протестантских государствах – Голландии, Англии, Наварре, ведь в этих странах не действовала инквизиция. Соответственно, те марраны, которые оставались христианами (внешне, по крайней мере), становились не католиками, а протестантами. О собственно португальских и испанских протестантах мы ничего не знаем, скорее всего, их просто не существовало. Так что протестантское вероисповедание семьи, совсем недавно перебравшейся из Португалии или Испании во Францию, говорит, скорее, о ее еврейском происхождении. Подчеркиваю: семьи, *недавно* перебравшейся. Никакие другие де Порту, жившие на юге Франции ранее «офицера кухни» Наваррского двора, историкам не известны. Правда, уже упоминавшийся историк Жан-Кристиан Птифис называет Авраама де Порту «закоренным гугенотом» и высказывает предположение, что именно протестантское происхождение мешало де Порту-младшему продвигаться по службе. Может, и правда мешало происхождение – но действительно ли протестантское? Впрочем, свою точку зрения на это я уже изложил.

Вот что я хотел сообщить читателям, прежде чем они познакомятся с приключениями Исаака де Порту. Разумеется, большая часть этих приключений является плодом авторской фантазии. Но я старался придерживаться исторических фактов – насколько это возможно в приключенческой повести.

Кроме того, хронология подлинных биографий исторических лиц противоречит той, которую предложил Александр Дюма. Так, например, исторический д'Артаньян не мог попасть в Париж в 1625 году (а действие романа «Три мушкетера» начинается именно в 1625 году), потому что было ему тогда не более восьми лет. Как, впрочем, и историческому Портосу. Шарль де Баатц де Кастельморо д'Артаньян (таково было полное имя этого человека) поступил на службу в 1633 году. А исторический Атос не был сослуживцем исторического Портоса. Арман де Селлег д'Атос д'Отвьель был убит (скорее всего, на дуэли) в 1643 году. Примерно за год до того, как Исаак де Порту, гвардеец роты Дезэсара, перешел в мушкетеры. Но разве это имеет значение? И, положа руку на сердце, разве не предпочтете вы версию (а заодно и хронологию) Дюма? Я, во всяком случае, предпочел. И потому мой Исаак де Порту родился не в 1617, а в 1605 году. Соответственно, и Аврааму де Порту (в моей версии) он пришелся не внуком, а младшим, четвертым сыном.

Так что я предлагаю читателям ни в коем случае не историческое исследование, а историческую фантазию. Хотя она имеет подзаголовок «Подлинная история Исаака де Порту».

Глава первая, *в которой я узнаю кое-что об истории семьи де Порту*

Я появился на свет 23 января в лето Господне 1605 в городке Ланн, расположенном в чудесной долине Вера. Сие знаменательное событие случилось в старом доме моего отца. Через десять дней, 2 февраля, священник отец Амвросий окрестил меня в домашней часовне, посвященной святому Иакову, брату Господню. Я получил имя Исаак, удачно дополнив тем самым имена отца и матери – Авраама и Сарры де Порту. Не знаю, почему именно младшего сына назвали так – мои братья носили имена Жоффрей, Жозеф и Гидеон. Отец мой, при всей внешней суровости, обладал натурой поэтической. Жоффрей, первенец де Порту, умер вскоре после рождения, Жозеф в один прекрасный день оставил Францию ради жизни в Вест-Индии. Гидеон, которому к моменту моего рождения было тринадцать, через несколько лет тоже покинул бы отчий дом. Так что, возможно, когда я родился, перед мысленным взором отца предстала идиллическая картина: Авраам и Сарра – и юный сын, утеха старости. Естественно, этот сын должен был именоваться Исааком.

О том, что в прошлом моей семьи таилась какая-то тайна, я смутно догадывался с семилетнего возраста. До сих пор помню, как и после чего это началось. Среди ночи я захотел пить и, выбравшись из постели, отправился в кухню. Спальня моя, как и спальни старших братьев, находилась на втором этаже, а кухня – на первом. Так что мне необходимо было спуститься по лестнице, а на первом этаже пересечь нижний зал, в который выходила дверь кухни. Внизу же располагалась и спальня моих родителей – причем лестница со второго этажа проходила как раз над ее дверью.

Ступени ужасно скрипели, причем скрип становился тем сильнее, чем осторожнее я старался ступать. Нестерпимее всего эти звуки стали в тот момент, когда я проходил над входом в родительскую спальню. И тотчас я услышал раздраженный голос отца. Я замер, стоя на одной ноге и опасаясь опустить вторую. Слов было не разобрать, но мне показалось, что гнев отца вызвали мои шаги по лестнице.

Уже в следующее мгновение я понял, что ошибся: отец обращался не ко мне, а к матери, поскольку затем прозвучал ее голос. Я облегченно перевел дыхание и двинулся было далее. Но шальная мысль подтолкнула меня к краю лестницы, откуда было лучше слышно. Я вовсе не собирался подслушивать, но голоса звучали достаточно громко – родители то ли ссорились, то ли обсуждали что-то важное. А поскольку накануне днем я изрядно набедокурил и ожидал вполне заслуженного наказания, то подумал, что именно мое ненадлежащее поведение стало предметом ночного разговора. Положа руку на сердце: кто бы из моих ровесников в таком случае удержался от соблазна узнать свою судьбу? И, немедленно забыв о жажде, я перевесился через перила, как раз над тяжелой, окованной железом дверью. Дверь была закрыта неплотно, так что я вполне слышал разговор.

Он поразил меня. Нет, не смыслом – насколько я мог понять, обо мне речь не шла, просто отец и мать что-то вспоминали. Но именно вспоминали – насколько я мог понять! Я хорошо владел испанским языком (как, впрочем, все мои земляки-гасконцы; испанский язык был для меня таким же родным, как французский или гасконское наречие). Родители же в тот раз говорили на очень странном испанском (все-таки испанском, в этом я был уверен). Знакомые слова перемежались незнакомыми, обороты казались нарочито устаревшими. Напряженно вслушиваясь в разговор, я иной раз едва не прыскал в кулак – настолько смешным казалось мне звучание некоторых фраз.

Это стало тайной, мучавшей меня долгое время – вплоть до дня первой настоящей разговора с отцом. К тому времени душа моей бедной матери уже более семи лет пребывала на

небесах. Я тогда принял решение, изменившее всю мою жизнь – и одновременно побудившее отца рассказать мне то, что ранее тщательно скрывалось.

День, о котором пойдет речь, ничем не отличался от других весенних дней 1623 года. Двумя месяцами ранее я отметил свое восемнадцатилетие и теперь считал, что жизнь уже прожита – и прожита зря.

Уже с утра я знал, что вечером мне предстоит малоприятный разговор с отцом. Вернулся я накануне очень поздно, а в том, что об очередных моих похождениях ему непременно доложит кто-нибудь из слуг, я нисколько не сомневался.

Отец в кресле казался настоящим королем, восседавшим на троне. Да что там король! Его величество Генрих, великий король, которому Авраам де Порту короткое время служил всего лишь «офицером кухни» и которого мне ребенком довелось видеть в Тарбе, выглядел, на мой взгляд, куда менее внушительно. Черный бархатный камзол испанского кроя, с широкими прорезными рукавами, обшитый серебряными кружевами и серебряным же галуном, оттенял природную матовую бледность лица, простой белый воротник гармонировал с длинными седыми волосами. Сходство с королем подчеркивалось еще и тем, что никогда, даже за обедом, он не снимал черную широкополую шляпу с серебряной пряжкой, серебряной тесьмой по краю полей и высоким черным плюмажем из страусовых перьев, а также то, что он не выпускал из рук тяжелую трость с набалдашником, действительно напоминавшую королевский скипетр. Гневаясь, он совершенно по-королевски ударял тростью в пол и притоптывал ногами, обутыми в высокие черные ботфорты с широкими раструбами и серебряными шпорами – такие обычно носили кавалеристы.

Меня давно интересовало, почему он избрал себе столь странное поприще – кулинарных дел мастера. Не только внушительной внешностью обладал мой отец – он прекрасно владел всеми видами оружия, был образован куда больше, чем мой учитель, добрейший отец Амвросий, да и по характеру своему привык командовать уж никак не поварами. Следует признать, впрочем, что он действительно был большим знатоком изысканных кушаний и гурманом (последнее качество я от него унаследовал, и это проявилось довольно рано). Но в оружии – холодном и огнестрельном – он разбирался ничуть не хуже, держался в седле с завидной выправкой и при этом ловко управлялся с мушкетом, на полном скаку легко поражая мишени. В правой башне у нас хранился целый арсенал – семь мушкетов и мушкетонов, столько же пистолетов, старинный аркебуз и старинная же пицаль, даже ручная кулеврина, три шпаги, а уж стилетов, кинжалов и боеприпасов – несчетное количество. И, хотя владению шпагой я учился у мэтра Паре – старого учителя фехтования, непонятно, каким образом занесенного из Парижа в наше захолустье, – стрельбе и верховой езде обучал меня отец. Даже сейчас, несмотря на возраст, он был очень силен и вынослив; во времена же своей молодости, несомненно, относился к числу настоящих силачей.

Конечно, я ни разу не спросил его о выборе той должности – тем более что он оставил ее вскоре после моего рождения и более не служил вообще, довольствуясь самостоятельным управлением имением. Владения де Порту были невелики и необширны. Со слов отца я знал, что и дом, и земельные угодья – восемьсот акров пахотной земли в окрестностях Ланна, – были куплены на деньги из жалования, полученного Авраамом де Порту из бедной казны короля Генриха. Уже после выхода в отставку отец прикупил мельницу на берегу Вера. Землю сдавали в аренду, и арендная плата в иные годы достигала немалой суммы в шесть сотен ливров. Столько же приносила мельница. Если прибавить к тому еще и продажу овечьей шерсти на двести-триста ливров в год и конопли с принадлежащего нам луга, то можно понять, что семейство де Порту числилось не самым богатым в Ланне или Тарбе. Нам было далеко до иных сеньоров, чьи земельные владения исчислялись десятками тысяч акров, а годовые доходы – сотнями тысяч ливров. Но вряд ли кто из этих богачей, в том числе принадлежащих к знатым

фамилиям, мог соперничать с господином де Порту в благородстве и даже величественности образа.

Несмотря на то, что я никогда не слышал о каких-то перестройках нашего дома, мне всегда казалось, что и внешний облик дом нашего дома хранил отпечаток личности мессира де Порту. На первый взгляд, это был обычный для здешних мест двухэтажный особняк, сложенный из серого камня. Две квадратные башни, несмотря на сходство с крепостными, выполняли вполне мирные обязанности складских помещений – в них хранилось зерно прошлогоднего урожая, старая одежда, в подвалах под башнями – вино и масло. Правда, в одной из башен находилась оружейная комната, о которой я уже упоминал. Словом, вполне мирный провинциальный дом, дом-обыватель, если можно так выразиться.

Но мне всегда мерещилась иная, воинственная сущность. И тогда добротная изгородь, окружавшая дом, амбар, часовню и конюшню, представлялась мне первой линией обороны против коварного и многочисленного врага, а дом становился настоящей неприступной крепостью.

И эта двойственность казалась мне отсветом сложной личности «офицера кухни» доброго короля Генриха Наваррского – Авраама де Порту.

Не скажу, чтобы я побаивался отца, но в его присутствии всегда испытывал некоторый трепет. Когда я вошел, он коротко кивнул и спросил – по обыкновению не повышая голоса:

– Вчера я искал вас весь день. Соболаговолите ответить, где вы находились и почему вернулись поздно?

Я принялся рассказывать приготовленную заранее историю о поездке к друзьям в окрестности Тарба. Отец слушал меня с непроницаемым лицом. Когда фантазия моя исчерпалась, он заметил:

– Впредь, когда вы надумаете мне лгать, Исаак, постарайтесь придумать что-нибудь более правдоподобное. Придумывать нужно заранее. Ведь вы же знали, что я буду вас спрашивать. И главное, не путайтесь с названиями. Если бы вы путешествовали так, как рассказываете, то загнали бы лошадь еще по дороге туда и вернулись бы пешком. Между тем ваш любимый Вулкан стоит в конюшне и прекрасно себя чувствует. По-моему, он и вчера весь день пробыл там. У вас появилась новая лошадь?

Я покраснел и пробормотал что-то невразумительное. Некоторое время отец молча смотрел на меня. Я покраснел еще больше. Он чуть пристукнул своей тростью и принялся меня отчитывать – холодным бесстрастным тоном.

– Я рассчитывал на то, что вы выберете себе профессию достойную и уважаемую, а именно – нотариуса, – сказал он. – Тем более что ваш брат Гидеон готов оказать вам всяческое содействие и составить протекцию. Но согласитесь, Исаак, странно видеть, как человек, готовящийся стать охранителем и знатоком законов, сам нарушает законы и водит компанию с настоящими преступниками!

На этот упрек мне нечего было сказать. Действительно, вчерашний день и часть сегодняшней ночи я провел с теми, кого отец называл преступниками, – с местными контрабандистами. Правда, я не участвовал в походе – он длился не один день. Вместе с тремя ровесниками я встречал тех, кто благополучно вернулся из Басконии, а потом праздновал с ними удачную операцию и даже получил небольшую долю за трехчасовое стояние в зарослях – четыре пистоля.

Что поделаешь – с контрабандистами мне было веселее, чем с чопорными родственниками или добрейшим, но донельзя скучным отцом Амвросием. Я не только выступал в качестве «часового» при их возвращении, но несколько раз и сам участвовал в походах. Крутые горные тропы в Страну Басков, опасные встречи с тамошними грабителями или еще более опасная возможность столкновения с испанскими патрулями – все это привлекало меня, разумеется, вовсе не возможностью разбогатеть; я хотел проверить себя, крепость своей руки, стой-

кость духа. Впервые я предпринял подобную вылазку, подзадориваемый ровесниками – юными сорванцами, давними друзьями по шалостям. Никто из них не происходил из благородных семейств, и меня в их кругу принимали исключительно из уважения к немалой физической силе, которой я отличался с малолетства и которую очень любил демонстрировать. Товарищи мои ловко играли на детском тщеславии, то и дело подбивая на поступки бессмысленные, а порой и опасные для меня. Например, я на спор обежал вокруг нашей усадьбы с годовалым теленком на плечах. Бычок громко мычал и норовил вырваться и обмочился со страху, я налетел на шедшую из церкви престарелую мать одного из моих друзей, за что получил клюкой по ногам и едва не упал. В довершение ко всему я был весьма сурово наказан отцом, продержавшим меня в подвале неделю на хлебе и воде. В другой раз я добрых полчаса держал груженный доверху возок, пока юный возница Андижос – один из моих детских друзей – менял сломавшуюся ось. Подозреваю, что он специально делал это не торопясь – а у меня глаза были залиты потом, кости трещали, а мускулы, казалось, готовы были порваться.

Собственно, после этого случая трое моих друзей (Андижос в их числе) и предложили мне увлекательное приключение в Пиренеях – по испанскую сторону границы. Я с радостью согласился, весьма смутно представляя себе, о чем идет речь. И уж конечно мне в голову не приходило, что за всем этим кроется нечто преступное. Рискованное – да, это я понимал. Но и только.

Я надолго запомнил эту первую вылазку в Страну Басков. До сих пор мне неизвестно, что представляла собою поклажа ослов и мулов, которых мои друзья и их старшие сотоварищи вели по опасным горным тропам. Мне и Андижосу поручено было замыкать караван и следить за тем, чтобы не увязались за нами подозрительные типы. Таковыми могли быть конкуренты, а могли – тайные доносители, которых губернаторские люди время от времени отправляли на борьбу с контрабандистами. Весь поход занял четыре дня. Оказавшись по ту сторону горного хребта, мы удвоили бдительность; нас с моим товарищем теперь направили в голову каравана. Перейдя из арьергарда в авангард небольшого отряда, мы пошли шагах в трехстах перед первым мулом. В самых рискованных местах контрабандисты останавливались, а я и Андижос по очереди отправлялись на разведку. Только после тщательного осмотра дороги и окрестностей далеко впереди мы возвращались к предводителю и докладывали результаты. Дважды, по крайней мере, мне пришлось применить физическую силу. В первый раз, еще на нашей стороне границы, я быстро расчистил тропу, которую перекрыли несколько скатившихся со склона больших валунов; затем, уже на испанской стороне, удержал осла, едва не сорвавшегося в пропасть, когда мы проходили одно из самых узких мест на дороге.

Словом, путешествие было опасным, а главное, настолько походило на действия лазутчиков во время войны, что по-настоящему увлекло меня. Было и еще одно сходство с войной, более серьезное. Наш предводитель, тридцатилетний Рене, погиб вскоре после этой, первой для меня вылазки. Караван попал в засаду, устроенную испанскими карабинерами, и бедняга Рене окончил свои дни, сорвавшись в пропасть, когда началась неожиданная пальба. К счастью, я не участвовал в том походе; Андижос же чудом уцелел и вернулся в Ланн. Он-то и рассказал о гибели предводителя.

Место Рене вскоре занял нелюдимый и мрачноватый малый по имени Жозеф. Был он испанцем и появился в Гаскони после примечательной истории, о которой мне однажды поведал Андижос. Жозеф (тогда его звали Хозе) в молодости служил в армии. Когда власти в очередной раз решили прижать контрабандистов, ему приказали сопровождать арестованных, среди которых была женщина необыкновенной красоты. Жозеф влюбился в нее и, вместо того чтобы доставить арестованных в Барселону, где всех их ждала виселица, сам ушел вместе с арестованными в горы. Так он сделался контрабандистом. Но вскоре его возлюбленная, не отличавшаяся строгим нравом, увлеклась другим. Жозеф убил ее и, опасаясь мести родствен-

ников неверной красавицы, бежал во владения французского короля, где у него было немало знакомых среди собратьев по ремеслу.

Его история меня поразила. Однажды я не удержался и спросил, правда ли, что он убил женщину, в которую был влюблен. Он усмехнулся, пожал широкими плечами и объяснил, что убил ее не за неверность в любви, а потому что имел основания заподозрить ее в предательстве. «Она снюхалась с таможенниками», – сказал он.

Несмотря на опасность, я продолжал время от времени участвовать в делишках контрабандистов. Не деньги, понятное дело, привлекали меня в этом малопочтенном занятии (хотя благодаря этому я стал более независимым в средствах). Куда больше кружили мне голову именно риск – и, конечно, уважение в кругу отчаянных малых, ставших моими товарищами. Да и некоторым вещам я научился у собратьев-контрабандистов – например, незаметно проходить в двух шагах от патруля или метать нож в цель, опережая выстрел из мушкета. Все это впоследствии пригодилось мне на военной службе.

В то же время я понимал, что отец прав – негоже отпрыску семьи де Порту являться с преступниками. И тем не менее молодое упрямство взяло верх, и я заявил после долгой паузы:

– Прежде всего, отец, я не делаю ничего дурного. Мои знакомые – да, они действительно не в ладах с законами, хотя иной раз их поведение можно если не оправдать, то понять. Но я – я всего лишь сопровождаю их в горных походах. В самом деле, я вовсе не собираюсь становиться контрабандистом, вы и сами это знаете! Да и ходил я с ними всего лишь несколько раз. Считайте это военными учениями – побывать на чужой земле, как если бы сейчас шла война между Испанией и Францией! Тем более что недавно так оно и было.

При этих словах отец вспыхнул и даже чуть пристукнул по столу кулаком.

– Да поймите же, наконец, Исаак! – воскликнул он. – Для каждого де Порту нет ничего более опасного, чем появление на испанской территории! Если вы случайно попадетесь в руки испанцев... – тут он замолчал, а я с удивлением обнаружил на его лице, обычно бесстрашном, признаки сильнейшего волнения. – Обещайте мне, – сказал отец, несколько успокоившись. – Обещайте мне, что никогда, какой жизненный путь вы ни изберете, никогда нога ваша не ступит на землю Испании!

Его вспышка показалась мне столь странной и даже пугающей, что я немедленно дал такое обещание, хотя отец ничего мне толком не объяснил. Понимая это, он сказал – выделяя каждое слово:

– В Испании любого члена нашей семьи подстерегает смертельная опасность совершенно особого рода. Наберитесь терпения, когда-нибудь я объясню вам причину.

После этого он немного смягчился.

– Присядьте и послушайте, – он жестом указал мне на кресло напротив. – Поверьте, я долго не обращал внимания на ваши шалости. Но сейчас пора вам подумать о будущем, о самостоятельной жизни. Пора делать первые шаги по своей дороге. И дорога эта должна увести вас от нынешних ваших приятелей. Завтра вы начнете готовиться в дорогу – я хочу, чтобы вы отправились в По и там поступили учиться к мэтру Симону Баатцу. Мы знакомы много лет. Я напишу рекомендательное письмо. Думаю, вы научитесь у него достаточно многому и достаточно быстро. Через пару лет, я надеюсь, мы услышим о новом стряпчем – Исааке де Порту!

Стряпчий Исаак де Порту! Эти слова отец сопровождал легкой улыбкой, у меня же они не вызвали ничего, кроме отвращения.

– Мне кажется, достаточно и одного де Порту на этом поприще, – ответил я, имея в виду моего брата Гидеона де Порту. – Двое – это уже чересчур. Отец, я не хочу быть ни стряпчим, ни адвокатом, ни нотариусом! Меня несколько не прельщает такой род занятий, ничего общего не хочу с ним иметь, я не могу корпеть над бумагами, я ничего не понимаю в крючкотворстве!

Моя строптивость неприятно удивила отца. Он нахмурился, но я уже закурил удила:

– Прошу вас, позвольте мне избрать другую дорогу! Отпустите меня в Париж, я мечтаю о военной карьере! Вы сами научили меня верховой езде, так что мне ничего не стоит продержаться в седле десяток лье. Мои икры крепче стали, а пальцами я легко выдергиваю из доски вбитый в нее гвоздь! В цель из мушкета и аркебуза я попадаю не хуже опытного браконьера, а господин Паре недавно сказал, что я наконец стал ему достойным противником. Вы же знаете, мэтр Паре слов на ветер не бросает и заслужить у него похвалу нелегко!

Действительно, мэтр Паре, несмотря на возраст, блестяще владел шпагой и охотно давал уроки молодым уроженцам Ланна, но его постоянные насмешки ранили нас больше, чем острие его шпаги.

Отец ничего не ответил, я же продолжил:

– Мне ничего не нужно – в конце концов, сотни три ливров на первое время хватит! Неужели вы откажете сыну в такой малости? – я, разумеется, умолчал, что от делишек с Андижосом у меня собралась некоторая сумма.

– Вот как? – отец саркастически усмехнулся. – Насколько я могу представить, в эту сумму обойдутся вам лошадь, шпага и прочая экипировка, необходимая молодому гвардейцу. Вы ведь собираетесь поступить в гвардию, а не просто завербоваться солдатом в армейский полк? С учетом того, что от продажи овечьей шерсти мы получаем в год примерно столько же, да еще около сотни – от продажи конопли, что же: я действительно мог бы снабдить вас тремя сотнями ливров. В дальнейшем, как я понимаю, вы готовы обходиться жалованием военного. Очень хорошо. Сумма невелика. Но вы уверены в том, что вам больше ничего не нужно? Только деньги?

Я не сразу понял, о чем он говорит.

– Надеюсь, вы позволите мне взять Вулкана – я сам его объезжал, и он ко мне привязан, так же как и я к нему, – сказал я осторожно. – Кроме того, я хотел бы прихватить с собой один из старых мушкетов, хранящихся в правой башне, и небольшой запас пороха и пуль. Моя шпага совсем неплоха – вы сами ее выбирали, а по прибытии в Париж я куплю запасной клинок...

– Я имел в виду совсем другое. Вы не собираетесь брать с собой никаких бумаг? – перебил меня отец насмешливо. – Насколько я знаю, в королевскую гвардию принимают только дворян. Разве вам, Исаак де Порту, не нужны документы, подтверждающие дворянское происхождение? Документы, согласно которым благородное звание вашей фамилии насчитывает не менее ста лет?

Я растерялся. Над такими вещами я вообще не ломал голову, поскольку был уверен, что на дорогу отец снабдит меня всеми необходимыми бумагами. Да и что такое бумаги? Пустяк, безделица!

Отец некоторое время смотрел на меня, чуть прищурившись. Взгляд его, поначалу ироничный, словно потускнел. Вдохнув, он поднялся со своего места и, опираясь на трость, прошел к шкафу. Открыв резную дверцу, он извлек на свет божий потемневший от времени деревянный ларец. Мне несколько раз доводилось видеть этот предмет, и я задавался вопросом, что именно хранится в нем. Сейчас, впрочем, меня это интересовало в малой степени.

Отец водрузил ларец на стол и откинул крышку. Он был битком набит пожелтевшими бумагами. Я вопросительно посмотрел на отца.

– Прочтите вот это, – отец бросил мне сложенный вдвое плотный лист, лежавший сверху.

Я осторожно развернул его. Это оказался некий документ, называвшийся «Письмо о натурализации». Говорилось в нем о представлении права на проживание в землях французской короны семье португальского купца Авраама де Порту. Подписано было королем Генрихом IV и заверено красной сургучной печатью.

Документ выпал у меня из рук. Купец? Мой отец – купец? Даже не придворный кулинар? Это не укладывалось в голове. Он был прекрасным наездником, отличным стрелком, блестяще фехтовал на шпагах и рапирах (так уверял господин Паре, а он в этом знал толк). Я скорее

готов был представить себе Авраама де Порту во главе идущих в атаку войск, нежели в лавке со штукой сукна. Не веря собственным глазам, я еще раз перечел письмо. Теперь мне бросилось в глаза слово «португальский». *Португальский купец?* Я знал, что наша фамилия указывала на португальское происхождение, но мне никогда не приходило в голову, что мой отец родился не в Гаскони и вообще не во Франции.

И тут я вспомнил удивившее меня наречие, на котором беседовали мои родители, оставшись наедине. Видимо, в голове моей царил полная неразбериха, потому что спросил я именно об этом – как будто более важных вопросов сейчас не существовало.

Отец неожиданно засмеялся. Ответ его поверг меня в еще большее смущение:

– Нет, это не португальский язык. Это язык испанских и португальских евреев. Он называется «ладино» или «джудесмо». Некогда на нем говорили мои и ваши предки.

Видимо, выражение лица моего стало очень глупым, потому что отец снова рассмеялся и сказал:

– Исаак, силой и сноровкой вы пошли в меня – в молодости я был таким же. Разве что не таскал на плечах несчастного теленка. Но вот с наблюдательностью и сообразительностью дело обстоит гораздо хуже. А эти качества, кстати, совсем не помешали бы вам, какое бы жизненное поприще вы себе ни избрали. Разве вы когда-нибудь видели на нашем обеденном столе свинину? Разве вы когда-нибудь видели, чтобы я по субботам работал? Неужели вы не обращали внимания на две свечи, которые всегда зажигала на заходе солнца в канун субботы ваша мать, а после ее кончины – я?

Голова у меня пошла кругом.

– Но как же часовня... Отец Амвросий...

– Амвросий? Наш священник? – отец покачал головой. – Он тоже из «португальских купцов». Другому я не доверил бы вашего крещения. Иной священник увидел бы то, что ему не следовало видеть.

Проследив за тем, куда он при этом указал рукой, я покраснел. Я всегда считал это естественным и маловажным телесным дефектом, которым обладал от самого рождения.

– Что вас так смущает, Исаак? – спросил он насмешливо, но уже без улыбки. – Разве Господу нашему Иисусу Христу не сделали обрезания на восьмой день от рождения – как всякому еврейскому младенцу? И разве сам Христос не говорил – «Не нарушить закон я пришел, но исполнить»? По-вашему, какой закон он имел в виду? Не Моисеев ли закон, принятый иудеями?

До меня начал доходить смысл названия «португальский купец».

– Вы хотите сказать, что мы не... купцы?... – пролепетал я. – Даже не купцы? Что это название... оно должно прикрыть собой другое... – У меня едва не сорвалось с языка слово «позорное».

– В пору моей молодости так называли всех беженцев из Испании, – сухо ответил отец. – Из Кастилии, Леона, Галисии, Порто – словом, из всех владений испанской короны. Не знаю, кто это придумал. Видимо, какие-то советники короля. В любом случае, такое определение позволяло ему принять нас под свое покровительство. Говоря «нас», я имею в виду не только нашу семью. Вообще испанских евреев, принявших крещение и вынужденных бежать во Францию от преследований святой инквизиции.

Его слова, сказанные, по обыкновению, негромким бесстрастным голосом, оглушили меня подобно близко прогремевшему грому. Отец между тем продолжил:

– Впрочем, даже в тех случаях, когда вы вдруг обращали внимание на какие-то обычаи, отличавшиеся от обычаев наших соседей, я объяснял вам, что такова семейная традиция. И вы принимали мои объяснения... – он усмехнулся – скорее снисходительно, чем насмешливо.

А я вспомнил, как еще в детстве поинтересовался, почему в один из дней мои родители ничего не едят и не пьют. И отец сказал, что, согласно семейной традиции, раз в году они

предаются скорби по умершим родственникам. Я понял, что отец говорил именно о таких случаях.

Он вдруг поднялся из кресла. Я тотчас тоже встал. Отец был высок – почти шесть футов, – но я давно догнал его ростом, а шириной плеч, пожалуй, уже и превосходил.

– Пойдемте, – сказал он. – Я хочу показать вам кое-что.

Мы вышли из дома, пересекли двор и вошли в часовню. Отца Амвросия не было. Оглядевшись, отец прикрыл за собой дверь и, поманив меня рукой, направился за алтарь, в дальний угол, завешенный тяжелой серой портьерой. При этом он перекрестился на распятие. Я поспешно последовал его примеру. Здесь он взял из бокового ящика свечу, после чего отвел в сторону серую ткань, и я увидел небольшую дверь, обитую железом и закрытую железным же засовом. Отодвинув засов, отец распахнул дверь. За ней оказалась уходящая вниз узкая винтовая лестница.

Он зажег свечу и ступил на верхнюю ступеньку.

Мы спустились по лестнице и оказались в небольшом помещении, находившемся, как я понял, прямо под часовней. Портьера не впускала сюда солнечные лучи, и в колеблющемся пламени свечи смутно угадывались некоторые детали обстановки. У стены находился небольшой помост с пюпитром, далее – прикрытый тканью шкаф. Ткань была расшита золотыми нитями, блестящими даже в слабом свете. Таким же тусклым золотом поблескивали корешки нескольких толстых книг, лежавших стопкой у шкафа.

Я смотрел во все глаза, боясь отпустить поручень перил. Воздух, казалось, был наполнен приторным запахом ладана, к которому явственно примешивались незнакомые мне благоволия. Эти ароматы вызвали тревожное ощущение, куда больше, чем сама обстановка.

– Не бойтесь, Исаак, пройдите сюда, – сказал отец. Я подчинился, сделал шаг и снова остановился. Звук шагов оказался неожиданно громким. Посмотрев под ноги, я увидел, что пол здесь был засыпан ровным слоем песка.

– Песок на полу – старая традиция, – пояснил отец, почему-то понижая голос. – Иудейские богослужения в Испании были запрещены, а доносчиков хватало. Поэтому евреи устраивали тайные синагоги в подвалах своих домов. На пол насыпали песок – и в самой синагоге, и особенно в тайной галерее которая к ней вела. Если входил кто-то незваный, его шаги сразу были слышны, собравшиеся могли, загасив свечи, укрыться от посторонних глаз в специально для этого устроенных нишах. Здесь эта предосторожность не имеет никакого смысла, потому и запасного выхода из этого подземелья нет, но традиция сохраняется более двухсот лет. Я давно хотел показать вам эту синагогу – семейный молитвенный дом де Порту.

Больше я не мог выносить позора. Меня душили злые слезы. Я бросился к лестнице. Отец меня не удерживал. И правильно делал – в таком состоянии я мог бросить ему непозволительную дерзость, а может быть – страшно подумать! – даже поднять на него руку

Выбравшись наверх, я бросился из усадьбы куда глаза глядят. Щеки мои горели, словно кто-то хорошенько отхлестал по ним, я испытывал чувство тяжелейшего оскорбления, нанесенного мне неизвестно кем, а шпага, колотившая по ногам, рождала сильнейшее желание пустить ее в дело. Я мечтал о том, чтобы кто-нибудь, идущий навстречу, отпустил по моему поводу шутку или бросил на меня косой взгляд. Увы! Дорога, по которой я шел, была пустынна.

Может показаться странным, что слово «евреи» не вызывало у меня воспоминаний о великих и древних царях, воинах, пророках – хотя я достаточно долго штудировал Писание под присмотром отца Амвросия. Но нет – Давид, Соломон, Исайя в моем представлении связаны были больше с нынешним христианским миром. Евреями же были ростовщики, торговцы и ремесленники, о которых рассказывали всякие мало привлекательные истории. Впрочем, и их-то, эти истории, я слушал вполуха.

Остановился я лишь на опушке леса, пробежав добрых два лье. Только здесь наконец-то я перевел дух и попытался привести в порядок собственные мысли. Мне это давалось с трудом.

Я не хотел быть евреем, я не хотел этого позорного положения! И чем больше я думал над словами отца, тем сильнее становилось мое желание бежать. Бежать из этого дома, от этого прошлого. Я понимал, что между мною и службой в королевской гвардии отныне вставало темное происхождение. Но, в конце концов, я надеялся добиться желаемого своими достоинствами! Я прекрасно ездил верхом, стрелял из мушкета и пистолета, фехтовал, плавал и бегал – словом, хорошо владел теми пятью искусствами, которые составляли основу подготовки мушкетера¹. И значит, поступив на военную службу в обычный полк, я буду вполне способен показать себя настоящим солдатом – а там смогу перейти в гвардейскую роту. Конечно, я понимал, насколько этот путь окажется сложнее и, возможно, дольше. Но даже смерть на поле брани представлялась мне сейчас соблазнительнее любого будущего, так или иначе связанного с отцовским домом и этой ужасной подземной комнатой, пол которой покрыт ровным слоем речного песка.

¹ Читатель может заметить, что физическая подготовка гвардейских подразделений соответствует современному спортивному пятиборью. Это не совпадение – именно подготовка французских гвардейцев стала основой популярного вида спорта. *Здесь и далее – прим. автора.*

Глава вторая, *в которой я узнаю о таинственном незнакомце*

До позднего вечера я, углубившись в лесную чащу, бесцельно бродил меж деревьев и кустарников. Дальнейшая жизнь теперь, после разговора с отцом и тех постыдных тайн нашего семейства, о которых я узнал, представляла напрочь лишённой смысла. Я задыхался, словно воздуха мне не хватало. Наверное, так чувствуют себя рыба, подсеченная удачливым рыболовом. Ярость требовала выхода, и я принялся рубить шпагой молодой кустарник.

Не могу сказать, что это помогло, – я нисколько не успокоился, но изрядно устал. Едва не сломав клинок случайным ударом по камню, поросшему мхом, я, наконец, остановился. Спрятав шпагу в ножны, я сел у большой липы и оперся спиной о теплый шершавый ствол. Вместо бесцельных прыжков и невнятных возгласов следовало подумать о том, что делать дальше. Господин Авраам де Порту справедливо пользовался репутацией человека твердого. Я даже не надеялся его переубедить. Да, кроме того, в открывшихся обстоятельствах это казалось бессмысленным. Но принять просто и покорно и новости, и уготованное отцом будущее я не мог и не хотел. Оставалось одно: отказаться от прошлого и нарушить волю отца. Нынче же на рассвете покинуть Ланн, никому ничего не говоря и полагаясь в дальнейшем только на собственную удачу, в которую я верил так же, как и все мои сверстники. Будут ли от меня требовать документы о дворянском происхождении, я не знал. Если даже так – что мешает мне сочинить истории о краже или чем-то в этом роде? И кто осмелится упрекнуть меня в том, что я ношу красные каблуки², не рискуя напороться на мою шпагу? Нет, это обстоятельство смущало меня куда меньше, чем отсутствие денег.

Решение меня немного успокоило. Уже без особой спешки я вернулся домой. Отец уехал по делам к нашим соседям – господам де Баатц, чье поместье находилось примерно в четырех лье от Ланна. Об этом, к большому облегчению, я узнал от конюха Гийома. К облегчению – потому что я побаивался встречи с отцом и возможного нового объяснения. В глубине души я все-таки испытывал некоторое смущение от того, что собирался бежать из дома. Кроме того, отец мой был чрезвычайно проницательным человеком, я же, напротив, наивным и несдержанным. Вряд ли мне удалось бы утаить от него свой план.

Войдя в дом, я поспешно поднялся по лестнице в свою спальню. Я хотел лечь спать пораньше, с тем чтобы тайком ночью пробраться в правую башню – в оружейную комнату со всей необходимой мне экипировкой. Поразмыслив немного, я решил отказаться от мушкета. Вместо него я остановился на двух пистолетах и небольшом запасе пуль и пороха. Там же, в правой башне, хранились запасные седла, подпруги и уздечки. Кроме того, я хотел подобрать запасной клинок к своей шпаге. Из тайника, сделанного в полу под кроватью, я извлек полотняный мешочек со своими сбережениями. В мешочке оказалось некоторое количество французских и испанских монет различного достоинства – сумма, примерно равная пятидесяти ливрам. Не так плохо, хотя, конечно, недостаточно для жизни в Париже. Но я знал, что не смогу обратиться к отцу с просьбой о деньгах.

Я быстро разделся и лег в постель, поблагодарив судьбу за то, что ход в квадратную правую башню находился рядом с дверью моей спальни. Сон долго не приходил, а когда, наконец, веки мои потяжелели и сомкнулись, я словно провалился в черный колодец.

Из этого колодца меня извлек громкий возглас, донесшийся со двора. Открыв глаза, я обескуражено убедился в том, что солнце давно встало и никакие вчерашние планы насчет ночного тайного проникновения в башню исполнить мне не удалось. Днем же эта затея пред-

² Красные каблуки на сапогах во Франции имели право носить только дворяне.

ставлялась невозможной. Таким образом, отъезд мой откладывался как минимум на сутки. Подойдя к окну, я выглянул во двор. Внизу я увидел старого слугу отца – папашу Селестена, напряженно всматривавшегося в окно. Увидев меня, он возбужденно замахал руками и крикнул:

– Сударь! Господин Исаак! Ваша милость! Прошу вас, скорее спускайтесь!

Выглядел старик чрезвычайно встревоженно, а стоявшие рядом с ним молодые слуги – Гийом и Жак – растерянно оглядывались по сторонам, словно ожидая чего-то. Окончательно я проснулся, когда заметил, что Жак держит старую пищаль, а в руке Гийома – алебарда.

Одеться и прихватить с собою шпагу, лежавшую у кровати на стуле, было делом нескольких мгновений. Через минуту я уже скатился по лестнице во двор. Селестен бросился ко мне. Его лицо выражало высшую степень тревоги.

– Что случилось? – спросил я.

– Ах, сударь, – быстро заговорил Селестен, – я тревожусь из-за мессира де Порту. Тот человек показался мне недобрым, а ушли они оба уже довольно давно, и оба – при шпагах...

– О ком ты говоришь? – сердце мое сжалось от недоброго предчувствия. – Что за человек?

Из сбивчивого рассказа старого слуги выяснилось, что рано утром к усадьбе подъехал одинокий всадник. Плащ и шляпа его были покрыты слоем пыли, из чего следовало, что он приехал издалека. Первым его увидел Жак, вышедший задать корм коням. «Это усадьба господина де Порту?» – спросил незнакомец. Жак ответил утвердительно. «Господина Авраама де Порту?» – уточнил незнакомец. Жак подтвердил и это. Тогда незнакомец спешился, приказал Жаку подержать коня, а сам направился к дому. Тут ему преградил дорогу вышедший как раз в это время Селестен.

– Сударь, я ему сказал, что господин де Порту еще поживает, и предложил прийти попозже, ближе к полудню. Ах, я думал, что он выхватит шпагу и проткнет меня, как цыпленка! – воскликнул старик. – Видели бы вы его в тот момент! Схватился за оружие, а глаза горят, как у волка!

Однако, по словам старого слуги, незнакомец сдержался и только велел разбудить хозяйина. «Я подожду его здесь. Доложи, что приехал его старый друг из Португалии».

– Нисколько я не поверил, что он друг господина де Порту, – убежденно произнес Селестен. – Он так нехорошо усмехнулся, когда произнес это, что никто бы не поверил его словам! Но послушаться я не мог – и пошел выполнять приказание. Господин де Порту только-только проснулся. Он очень удивился моим словам и велел проводить гостя в залу.

Старик проводил не понравившегося ему гостя в залу на первом этаже, предложив немного подождать. Вскоре туда вышел и мой отец, полностью одетый. При виде «старого друга», как сказал Селестен, Авраам де Порту изменился в лице.

– Он словно призрака узрел! – старик перекрестился. – Никогда я не видел господина де Порту в таком волнении, никогда, сударь, поверьте моему слову!

– Хорошо, хорошо, – нетерпеливо сказал я. – Что было дальше?

– Дальше, сударь, ваш батюшка сказал этому человеку: «Ты меня нашел, Жаиме. Что тебе нужно?» – Селестен извлек из куртки большой платок и утер вспотевшую лысину. – А потом, сударь, они перешли на какой-то другой язык, которого я не понимал. И говорили они громко, по-моему, ссорились. Один раз этот человек схватился за шпагу, но ваш отец что-то ему сказал, после чего тот оставил оружие в покое и даже улыбнулся. Нет, сударь, нехорошая у него улыбка, – повторил Селестен, понижая голос и многозначительно тараща глаза. – Очень нехорошая... Вот, а дальше они говорили уже спокойно. Потом господин де Порту спросил меня, дома ли вы, сударь. Я ответил утвердительно, и тогда он велел оседлать Вулкана, сказав, что собирается прогуляться в обществе своего старого друга. Обещал скоро вернуться. Вас же он велел не беспокоить. Но, сударь... – Селестен приблизился ко мне почти вплотную и

сказал громким шепотом: – Ваш отец взял с собой шпагу! Ту самую, которая висела в спальне над кроватью его милости! И, мне кажется, речь шла о поединке! Потому, видя, что господин де Порту отсутствует уже долго, я решился вас побеспокоить, – закончил старый слуга. – А поехали они вон туда! – и он указал в сторону горного перевала.

– Ч-черт... – пробормотал я. – Боюсь, вы правы, Селестен...

Действительно, избранное направление подтверждало предположение Селестена о поединке – там, между перевалом и окраиной Ланна, укрытая от посторонних взглядов высоким и густым кустарником, находилась небольшая площадка, давно уже облюбованная дуэлянтами и просто любителями фехтования. Кстати, мэтр Паре там же обучал меня искусству шпаги.

– Времени уже немало прошло, – сказал старик. – Я не беспокоил вас, сударь, как и было приказано. Но только на душе у меня совсем нехорошо. Так вы уж, сударь, не говорите господину де Порту, что я его ослушался. Может, мне все привиделось, а он вернется – и осерчает.

Впоследствии я не раз корил себя за то, что не бросился на поиски отца немедленно. Но мои колебания объяснялись властным характером господина де Порту, который не терпел вмешательства в свои дела. И кроме того, я знал, сколь силен и искусен во владении оружием мой отец, потому не испытывал настоящего беспокойства за исход возможного поединка. Даже если предположить, что его противник несколько моложе, по описанию Селестена можно было понять, что он проделал неблизкий путь и, значит, устал.

Поэтому прошло еще полчаса, прежде чем я все-таки отправился на поиски отца – не столько действительно встревожившись, сколько побуждаемый Селестеном и отцом Амвросием, тоже начавшим выказывать волнение. Все это время я поглядывал в сторону, указанную старым слугой, надеясь вот-вот увидеть там знакомую фигуру. Но никто не появился, и мне передалось волнение окружающих. Я проверил на всякий случай, легко ли достается шпага из ножен, не застрянет ли в нужный момент, – после чего приказал оседлать лошадь.

Поскольку Вулкана взял мой отец, мне пришлось довольствоваться старушкой Пальмой. По счастью, она уже была взнуздана и оседлана, так что дорога заняла не более четверти часа. Вскоре глазам моим открылась площадка, имевшая форму почти правильной окружности и поросшая низкой травой.

Сердце у меня упало, когда я увидел отца, неподвижно лежавшего на самом краю площадки, отвесно обрывавшейся к долине Вера. Более никого здесь не было. Таинственный незнакомец исчез бесследно, завершив поединок в свою пользу. Мои же колебания, а ранее – опасения Селестена, возможно, стоили отцу жизни.

Я бросился к нему. Господин де Порту оказался в сознании, но потерял много крови: оружие противника оставило широкий разрез, который отец пытался закрыть платком. Рана показалась мне опасной. Спешно сняв рубашку, я разорвал ее на несколько полос и, как умел, перевязал его. Все это время отец молчал, то ли от слабости, то ли по какой-то другой причине. Лишь один раз с его крепко сжатых губ сорвался слабый стон – когда мои действия причинили ему сильную боль.

К счастью, незнакомец не забрал нашего Вулкана – возможно, он очень торопился. Перевязав рану, я усадил отца на смирную Пальму; сам же поехал рядом на Вулкане, поддерживая раненого в седле. Медленно, шагом, под недовольное фырканье моего резвого жеребца, мы добрались до усадьбы. Во время возвращения отец сохранял сознание, но молчал. Уже во дворе он лишился чувств и начал валиться из седла. Я бы, наверное, не удержал его, но Селестен и Жак пришли мне на помощь. Бережно приняв отца на руки, они отнесли его в дом и положили в постель. Когда я снимал с него сапоги, он снова пришел в себя. Взгляд его сразу же стал вполне осмысленным.

– Исаак, – слабым голосом сказал отец. – Поставьте стул поближе и садитесь. Вы несведущи во врачевании, пусть Селестен сходит за отцом Амвросием. Наш священник кое-что понимает в этом деле...

Селестен бросился исполнять поручение, а я пододвинул стул к отцовской постели. Господин де Порту лежал с закрытыми глазами. Полотняные ленты, которым я перевязал его рану, набухли от крови. Он попросил пить, я тотчас подал ему ковш с водой, подслащенной виноградным соком. Утолив жажду, отец сказал:

– Исаак, судьба воспротивилась моему желанию и поощрила ваше. Следуйте же ему и поезжайте в Париж... – тут он закашлялся, и на губах его выступила кровавая пена.

– Успокойтесь, – поспешно сказал я, – вам не следует говорить, это отнимает у вас силы. Постарайтесь немного поспать до прихода отца Амвросия.

Отец отрицательно качнул головой.

– Помолчите, Исаак, – в его голосе, несмотря на слабость, появились знакомые властные нотки. – Если я говорю вам, что должен кое-что сказать, то извольте слушать внимательно... Подложите мне под голову подушку и приподнимите меня – я хочу вас видеть... Да, – сказал он, когда я исполнил его просьбу, – вы можете ехать. По-моему, отец Амвросий уже здесь – я слышу его шаги в зале. Проводите его сюда и оставьте нас одних. Но не уходите, вы мне скоро понадобятся.

Видно было, что отцу очень тяжело давалось каждое слово. Тем не менее я надеялся, что оружие незнакомца не задело важных внутренних органов и слабость раненого определялась только потерей крови. Я вышел из спальни, едва не столкнувшись в дверях с нашим священником, который тащил большой кожаный мешок. В этом мешке отец Амвросий носил медицинские инструменты и целебные снадобья.

Я с нетерпением расхаживал у закрытой двери спальни, ожидая, когда священник выйдет, – не только для того, чтобы узнать о состоянии раненого, но и чтобы продолжить разговор с ним. Селестен бестолково топтался здесь же. Видно было, что он корит себя за промедление и считает несчастье, случившееся с хозяином, своей виной. Я испытывал сходные чувства. Хотя и слуга, и я вели себя так, как заведено было в нашем доме. Обратись Селестен ко мне сразу после отъезда господина де Порту, не промедли я около часа уже после того, как узнал о поединке с незнакомцем, ранение отца можно было предотвратить. Но страх перед гневом Авраама де Порту и для меня, восемнадцатилетнего юнца, и для старика Селестена перевесил.

Это был серьезный урок, который я надолго запомнил. Мне кажется, именно тогда я почувствовал себя по-настоящему взрослым. Тогда же я дал себе слово разыскать убийцу, чего бы это ни стоило.

Отец Амвросий возился долго. Сквозь тяжелую дверь я слышал, что он что-то говорит раненому – с ласково-увещательными интонациями. Его несколько раз прерывали стоны. Примерно через час отец Амвросий выглянул в залу и попросил меня принести бумагу и письменные принадлежности. Лицо его было весьма озабоченным, из чего я сделал вывод, что положение господина де Порту хуже, чем ожидалось. Но расспрашивать я не стал, молча подал ему просимое. Священник исчез за дверью. Прислушавшись, я различил только голос отца – видимо, он что-то диктовал отцу Амвросию.

Я сел в кресло, которое обычно занимал отец, и задумался. Неожиданные известия, обрушившиеся на меня за последние дни, вызывали множество вопросов. Чувства, которые я испытывал, были сродни тем, которые однажды охватили меня в детстве, во время купания в Вере. Я тогда далеко отплыл от берега и вдруг попал в водоворот. Мне показалось, что чья-то жестокая рука вертит меня то в одну, то в другую сторону; я же, не имея никакой возможности сопротивляться, лишь изо всех сил бью по воде руками, пытаюсь угадать направление, в котором меня подталкивает невидимый и безжалостный игрок.

Пребывая в таком состоянии, я не заметил, что отец Амвросий уже некоторое время стоит передо мной, встревожено на меня глядя. Я поднялся, опираясь на шпагу как на трость.

– Он вас зовет, сударь, – тихо сказал священник. – Рана оказалась весьма опасной. Насколько я могу судить, задет важный кровеносный сосуд. Господин де Порту – сильный человек, но, думаю, он не переживет сегодняшней ночи. Мужайтесь, сын мой.

Я направился в спальню отца, оставив оружие на кресле. Ноги мои подкашивались от волнения. Отец Амвросий не сопровождал меня. На мой вопросительный взгляд, он ответил:

– Ваш отец хочет переговорить с вами наедине.

Вопреки словам священника, отец выглядел бодрее, чем когда я его привез. Впрочем, через мгновение я понял, что румянец, проступивший на его щеках, являлся следствием лихорадки, а блеском запавших глаз раненый был обязан стоявшим на столике бокалу с вином и какому-то снадобью в глиняной плошке, которым он то и дело смачивал себе губы.

– Садитесь, Исаак, – тихо сказал он. – Пододвиньте стул еще ближе – я не хочу, чтобы кто-нибудь за дверью нас услышал... – и, когда я выполнил его распоряжение, заметил с бледной улыбкой: – Я проявил беспечность, за то и наказан. Мне следовало быть настороже. Этот человек... он вероломен и хитер. Я не ожидал, что под камзол он наденет кольчугу. И вот результат. Мой выпад не причинил ему никакого вреда, только притупил шпагу, а вот его удар... – он на мгновение прикрыл глаза. – Удивляюсь тому, что он не прикончил меня, когда я упал. Впрочем, достаточно и этой раны.

Я думал, что сейчас он расскажет мне о личности человека, которого утром назвал Жаиме, и о причинах их вражды, но отец более не возвращался к поединку. Вместо этого он сказал с бледной улыбкой:

– Итак, ваше желание скоро исполнится, Исаак. Вы знаете, что я был против вашего отъезда, но судьба, похоже, распорядится иначе. Вы уедете в Париж и, возможно, поступите в королевскую гвардию. Да благословит вас Бог на этой стезе, сын мой! – видимо, от волнения он закашлялся, и на его губах немедленно выступила кровь.

Я поднялся со стула, чтобы пойти за отцом Амвросием, но отец властным жестом приказал мне оставаться на месте.

– У нас очень мало времени, Исаак, – сказал он, справившись с кашлем и отпив немного вина. – Я должен дать вам несколько поручений. Прежде всего – отошлите Гийома или Жака сегодня же в Тарб, за вашим братом Гидеоном. Скоро вы уедете в Париж и, возможно, никогда не вернетесь. Я бы хотел, чтобы Гидеон управлял нашим именем, наезжая сюда хотя бы изредка. Вот письмо к нему, которое я продиктовал отцу Амвросию. В этом письме я прошу его также регулярно посылать вам некоторую сумму денег. Она не слишком велика, но все же поможет вам на первых порах не бедствовать.

Я взял письмо.

– Сидите, я еще не закончил. Теперь о том, что касается вашего отъезда... – он откинулся на подушки, на мгновение закрыл глаза. На лбу выступили крупные капли пота.

Я осторожно промокнул ему лоб платком и поднес к губам плошку с питьем.

Выпив, он продолжил: – Как я уже говорил вам, у меня нет возможности снабдить вас рекомендациями к кому-нибудь из влиятельных в Париже людей. Ни с герцогом д'Эперноном, ни с бароном Дезэсаром я не знаком, а граф де Труавиль (сейчас он называет себя де Тревиль), увы, относится ко мне не лучшим образом еще со времен моей службы у великого Генриха. Нет у нас и документов, подтверждающих ваше дворянство. Поэтому единственная помощь, которую я могу вам оказать, – вот это письмо, – скосив глаза, он взглядом указал на уголок пакета, выглядывавший из-под его подушки. – Возьмите, – сказал отец. – Это письмо к парижскому ростовщику Исааку Лакедему. Он не только ваш тезка, но еще и дальний родственник. Я попросил его оказать вам возможную помощь. Не представляю, правда, его нынешние возможности, но, по крайней мере, он уже более десяти лет живет в Париже. Я написал письмо соб-

ственноручно (господин Лакедем знает мой почерк, а он подозрительный человек), и потому оно очень короткое... – отец замолчал. – Еще одна просьба... – сказал он после короткой паузы. – Я уже вам говорил, что отец Амвросий – «португальский купец», как и мы с вами. Его судьба может оказаться печальной, если вы когда-либо случайно проговоритесь об этом... Церковные власти бывают гораздо строже, чем светские. И не только в Испании...

Я дал слово забыть раз и навсегда все, что услышал о нашем добром священнике. Отец слабо кивнул, но не произнес ни слова. Я тоже молчал, ожидая продолжения. Я видел, что отцу тяжело говорить, но в то же время он хочет поведать мне что-то еще.

Так оно и оказалось. Он вновь вернулся к своему противнику.

– Этот человек – настоящий дьявол, – чуть слышно сказал он. – Я уже убивал его. Как видите, он вернулся. Будем надеяться, что вам не доведется с ним встретиться. Он очень опасен. А те, кто стоит за ним, опаснее во сто крат. Будьте осторожны, если ваши дороги когда-нибудь пересекутся... – с этими словами отец, обессиленный долгим разговором, откинулся на подушку.

Спрятав во внутренний карман оба письма, я направился к выходу. Он более не останавливал меня.

Выйдя от отца, я позвал к нему священника и отправил Жака в По; сам же я оседлал Вулкана и наведалься на место давешнего поединка. Я хотел еще раз осмотреть лужайку. Не знаю, что именно я надеялся найти среди приямтой травы.

Несколько пятен крови в стороне от того места, где упал мой отец, навели на мысль, что шпага отца все-таки проникла сквозь стальные кольца – и, значит, таинственный Жаиме не остался невредимым. Отец ранил его, возможно, легко, и именно ранением, скорее всего, объяснялось и то, что он не нанес последнего удара уже упавшему отцу, и то, что он не попытался увести Вулкана.

Мне пришло в голову, что раненый мог обратиться за помощью где-нибудь поблизости. То, что крови было немного, никак не означало легкого ранения – в некоторых случаях, как я уже знал, даже при тяжелом ранении кровь могла почти не проливаться. Я решил порасспросить наших соседей, в первую очередь – Анджоса, всегда обращавшего внимание на появление в Ланне незнакомых людей.

К сожалению, расспросы, на которые я потратил не менее двух часов, ничего не дали. Незнакомец появился неведь откуда и исчез бесследно, неведь куда, никто его не видел. С этим я и воротился домой.

Отец резко осунулся за короткое время моего отсутствия. Черты лица заострились, глаза ввалились. Дыхание стало еще тяжелее, а лоб был покрыт испариной. Я понял, что он умирает. Мне стало страшно, но я чувствовал, что обязан быть с ним до конца. Священник поначалу хотел отослать меня, но, в конце концов, согласился с моим присутствием. На мой вопрос, не собирается ли он на всякий случай причастить Авраама де Порту святых даров, отец Амвросий с непонятным смущением пробормотал, что уже сделал это, после чего поспешно удалился, велел мне смачивать губы умирающему. Отец то и дело впадал в забытие. К вечеру у него начался сильный жар, он метался по постели в бреду. Временами он что-то выкрикивал на том самом «ладино», о природе которого я узнал лишь вчера.

Так прошел остаток дня и часть ночи. В полночь он вдруг затих и открыл глаза. Узнав меня, отец попытался улыбнуться и что-то невнятно прошептал. Я наклонился к нему.

– Поверните меня лицом к стене... – с неожиданной силой произнес он.

– Что?..

– Так надо. Прошу вас, Исаак... поверните меня к стене...

Я не знал, зачем это нужно, но подчинился. Приподнявшись на локте, он прошептал что-то еще и вдруг захрипел. Я в ужасе отшатнулся, но отец больше не издал ни звука.

В то же мгновение из глаз моих брызнули слезы. Странно, что в тот момент разумом я еще не успел осознать случившееся. Я просто почувствовал, что случилось непоправимое: Авраам де Порту, мой отец, покинул этот мир, не успев раскрыть мне тайну личности своего убийцы.

Последующие два дня я помню смутно: давало себя знать испытанное потрясение. Помню приезд брата Гидеона, взявшего на себя распоряжение похоронами. Помню сами похороны. Больше всего меня поразило, что отца хоронили не в гробу. По распоряжению отца Амвросия тело завернули с головой в специально приготовленный саван, на мой взгляд необычный – белый, с черными полосами по краю и кистями, пришитыми к каждому из четырех концов ткани.

Но эти детали по прошествии короткого времени представлялись мне весьма смутно, как будто все случилось много лет назад. После похорон, вступив в присутствии нотариуса во владение имуществом, Гидеон назначил управляющим Селестена, а его помощником – Жака. Более его здесь ничто не задерживало, он вернулся в По, где его ждали неотложные дела губернского управления боеприпасов. Он успел лишь сообщить мне, что собирается выйти в отставку и вслед за нашим братом Жозефом попытать счастья по другую сторону Атлантики. «В этом случае, – сказал он, – ты станешь полновластным и единственным хозяином поместья де Порту». Но меня совсем не привлекала такая перспектива.

Отец Амвросий, назначенный душеприказчиком в той части отцовского наследства, которое касалось меня, вручил мне двести ливров, оставленных отцом.

– Господин де Порту распорядился, чтобы вы выбрали оружие и снаряжение из хранящегося в башне, – сказал он. – Из огнестрельного оружия он посоветовал вам ограничиться двумя пистолетами и не отягощать коня мушкетом или аркебузой. Кроме того, он просил воспользоваться его шпагой – но по приезде в Париж поменять ее клинок. Что же до пороха и пуль, их запасы находятся там же. Господин де Порту распорядился, чтобы вы, Исаак, ни в коем случае не ошиблись: сухой турецкий порох и запасные кремни для пистолетов следует взять из ящика, стоящего в правом дальнем углу башни... – последнее отец Амвросий произнес с печальной улыбкой, сопроводив ее замечанием насчет того, что все эти подробности так соответствуют характеру покойного господина де Порту. – Ваш отец всегда обращал внимание на мелочи, Исаак.

Я это прекрасно знал, но даже меня удивило столь тщательное напутствие. Впрочем, диктуя распоряжение, отец то и дело впадал в забытие. Мелкими подробностями он словно стремился противостоять надвигающейся смерти.

На следующий день после отъезда Гидеона я начал собираться в дорогу. Подготовив дорожные сумки, я сложил в них две перемены платья и теплый плащ. Возложив сбор провизии на Селестена, я отправился в правую башню – излюбленное мое место с давних времен.

Сколько себя помню, у меня дух захватывало от восторга и предвкушения воинских подвигов, когда я, тайком от всех, пробирался сюда. Сам воздух с устоявшимися запахами ружейного масла и пороха, кожи и металла будоражил воображение. Я представлял себя в осажденной крепости, целился из пистолетов и старинных мушкетов в воображаемых врагов, размахивал шпагой, призывая своих верных товарищей в атаку. Правду сказать, тяжелые мушкеты и тем более древние пищали были чрезмерно тяжелы для детских рук – как и старинные шпаги, больше похожие на мечи рыцарских времен, но с узким клинком. Более всего нравилась мне стоявшая в углу кулеврина, похожая на увеличенную в размерах пищаль. Рядом горкой были сложены крупные круглые пули к ней.

Лет с четырнадцати я приходил сюда время от времени вместе с отцом, и он выбирал мне то или иное оружие для учения. Сам он, как я уже говорил, владел в равной степени превосходно и огнестрельным, и холодным оружием.

Взяв два пистолета, я вспомнил слова отца, переданные мне отцом Амвросием. В дальнем углу башни я действительно нашел сундук с тяжелой крышкой. В нем оказались несколько десятков полотняных мешочков с порохом. Взяв нужное количество мешочков, я собрался было закрыть сундук, но заметил, что кроме пороха в сундуке хранится что-то еще. Выложив весь пороховой запас из ящика, я обнаружил какой-то сверток.

Когда я извлек его из сундука и поднес к глазам, в ноздри мне ударил кислый, едкий запах селитры, которой, очевидно, было пропитано его содержимое. От неожиданности слезы навернулись на глаза. Развернув сверток, я обнаружил в нем странный наряд. Наряд представлял собой подобие мешка из грубой желтой шерсти с прорезями для рук и головы. На лицевую сторону красной краской были нанесены слова: «Avraham Judaeo Hereticus», а ниже – число: 1588. Моих познаний в латыни хватило на то, чтобы понять: на наряде было написано: Авраам – имя моего отца, а далее – «Иудей Еретик». Число, по-видимому, означало год. Все это писалось небрежно, размашисто, широкой кистью. Что это за наряд, какое он имел отношение к отцу, что случилось в год, обозначенный на желтой ткани, – всего этого я, конечно, не знал.

В наряд были вложены несколько пожелтевших листков бумаги, свернутых наподобие свитка. Я осторожно развернул их. Первый лист представлял собой какое-то письмо, написанное на неизвестном мне языке, похожем на испанский. Вверху стояла дата – тот же 1588 год. Прочие листки оказались пронумерованным списком каких-то имен. И письмо, и список были скреплены одной и той же подписью, которую я прочел как «Жоано душ Сантуш». На листках остались бурые пятна, в которых я с содроганием угадал следы крови.

Повинуясь какому-то смутному чувству, я решил не оставлять в сундуке ни странный наряд, ни бумаги. Свернув все прежним образом, я прихватил сверток с собой и положил в одну из дорожных сумок. Поступив так, я вдруг подумал, что, возможно, отец не зря столь подробно объяснял, где взять порох к пистолетам. Может быть, именно так он хотел обратить мое внимание на то, что хранилось в сундуке. И значит, я поступил в соответствии с его желанием, не оставив все это в башне.

Глава третья, в которой я покидаю отчий дом

30 марта 1623 года я оставил отчий дом – как оказалось, навсегда. Молодость эгоистична – мысли о недавней гибели отца меньше тревожили меня, чем ожидание захватывающих приключений, которые должны были начаться уже в дороге, едва квадратные башни усадьбы де Порту скрылись за поворотом. Но на первых порах поездка не принесла никаких неожиданностей. Однообразие пейзажа, красивого, но привычного, постоянные дворы, похожие друг на друга, редкие встречные, – все это очень скоро развеяло ожидания. Никто не обращал на меня внимания; юноши, стремившиеся в столицу, были не в диковинку. Вулкан шел ровной рысью; покачиваясь в седле, я постепенно обратился мыслями к событиям, предшествовавшим отъезду.

Итак, я оказался португальским евреем, а не французским дворянином, причем евреем-беженцем, «португальским купцом». Под домашней часовней де Порту, часовней святого Иакова, таилась синагога. Священник отец Амвросий тайно отправлял иудейские обряды, в которых принимал участие мой собственный, недавно умерший отец, Авраам де Порту, в прошлом – офицер кухни при Наваррском дворе. Происхождение само по себе таило привкус позора и грозило опасностью. При всей моей наивности и неопытности в государственных делах, я догадывался, что достаточно кому-нибудь узнать о тайне де Порту, и все мы в лучшем случае окажемся в тюрьме. Но могло быть и хуже: я вспомнил смутные слухи, ходившие в наших краях, граничивших с испанскими землями. Рассказывали, что евреев, укрывшихся во Франции, иной раз похищали слуги испанской инквизиции. Порою же наши власти попросту выдавали их испанцам, находя, что беженцы живут здесь незаконно. Так или иначе, но дальнейшая судьба несчастного, оказавшегося в лапах Священного судилища, была поистине чудовищной – после пыток и истязаний он заканчивал жизнь на костре.

Теперь мне стали понятны слова отца о том, что пребывание любого из нашего семейства во владениях испанской короны чревато смертельной опасностью. Хотя и в них таилась некая недоговоренность, некий намек. «Когда-нибудь я открою вам причину», – сказал отец. Что он имел в виду? Если бы речь шла только о тайне происхождения, он выразился бы иначе, например сказав: «Теперь вы знаете, почему я предостерегал вас от вылазок в Испанию». Но он не сказал этого, и, значит, опасность была связана с чем-то еще, с какой-то тайной, относившейся уже не ко всем беженцам вообще, а только к нашему семейству. Мне подумалось, что к этой тайне имели отношение старые бумаги и странный наряд, найденные мною в оружейной башне. Несомненно, с теми же, неизвестными мне обстоятельствами связано было и роковое появление убийцы по имени Жаиме. В том, что незнакомец был именно вероломным убийцей, а не честным противником, убеждало меня то, что на поединок он надел под камзол кольчугу...

На этом месте размышления мои были прерваны неожиданным образом. Погруженный в воспоминания о бурных событиях последних дней, я и не заметил, как редкие строения по обе стороны дороги сменились густыми зарослями. Воздух был напоен ароматом, который источали белые и розовые цветы жимолости, обвивавшей стволы деревьев. Сообразив, что, оставив выбор направления за Вулканом, сбился с пути, я остановил коня и внимательно осмотрелся. Я оказался на небольшой почти круглой поляне, окруженной всех сторон самым настоящим лесом. Солнце клонилось к западу, и кое-где, в предчувствии скорого прихода ночи, уже раскрылись ночные цветы, от аромата которых у меня кружилась голова.

Мне совсем не улыбалось ночевать в лесу. Наугад поворотив коня, я попытался найти дорогу, но увы! И с этой стороны стеной вставали высокие деревья и непроходимые кустарники.

В душе моей зашевелился страх. Я вспомнил вдруг страшные истории о путниках, заблудившихся поздним вечером в этом лесу и попавших в лапы нечистой силы или в зубы диких зверей. Зверей я не боялся – в конце концов, мне было чем встретить волка или медведя. Иное дело – оборотни, которых не брали обычные пули, или ведьмы, принимавшие облик невинных девушек, охочие до крови заблудившихся путников черти и прочая нечисть, в обилии водившаяся в лесах и горах южной Франции. Как ни странно, мой страх был связан с многократно усилившимся запахом ночной фиалки. В историях, слышанных мною некогда от матушки, ночные фиалки накрепко связаны были с появлением фей и эльфов, утаскивавших запоздалых путников в свою зачарованную страну.

Словно издеваясь надо мной, солнце ускорило свой бег к закату. Я спешил и попытался, приведя мысли в порядок, определить свое местонахождение и направление, в котором мне следовало двигаться, чтобы вернуться к широкой, еще римлянами проложенной дороге.

Лесная тишина казалась мне угрожающей, поэтому с облегчением услышал я какую-то возню в кустах. Ночь еще не наступила, а значит, не пришло время власти дьявольских созданий. Источником шума мог быть только зверь или человек. Ни того, ни другого я не боялся. Я вытащил из седельных кобур оба пистолета, ругая себя за то, что не озаботился держать их заряженными. Быстро зарядив пистолеты, я повернулся к зарослям. Хотя подозрительного шума, насторожившего меня, больше не было, я чувствовал, что за кустарником все еще кто-то затаился.

– Эй, кто там прячется! – крикнул я, поднимая пистолет. – Ей-богу, я не шучу! Если не хотите получить заряд свинца – выходите-ка из кустов! – с этими словами для вящего эффекта я поднял и второй пистолет и взвел оба курка. Щелканье прозвучало в тишине очень отчетливо. После этого вновь наступила тишина. Я решил выстрелить, досчитав до пяти. При счете «три» я услышал:

– Не стреляйте, сударь!

Из кустов появился человек с мушкетом в руках. Я сразу же успокоился – если бы прятавшийся злоумышлял против меня, ему ничего не стоило разрядить свой мушкет в упор, не выходя на поляну. Человек же держал свое оружие, опустив ствол к земле. По одежде и в другой обстановке я бы принял его за лавочника: коричневая суконная куртка, такие же штаны чуть ниже колен, толстые чулки и вязаная шапка, из-под которой струился пот. Но, присмотревшись, можно было заметить, что чулки чересчур плотные – в таких хорошо ходить по лесу, не опасаясь поранить ноги о сучья и колючки или быть укушенным змеей, – а выглядывавший из-под куртки ремень сплошь был увешан деревянными пороховницами.

При всем том незнакомец то и дело оборачивался, и выражение его лица выражало высшую степень испуга. Приблизившись на несколько шагов, он сказал срывающимся голосом:

– Умоляю вас, сударь, не выдавайте меня! И, заклинаю, говорите тише! А то нас услышат. Тогда я погиб!

– Кто нас услышит? – спросил я озадаченно.

– Каналья лесничий графа Жоффрея де Пейрака! Это графские владения, – ответил вполголоса человек с мушкетом. – Называются здешние места Святым Лесом, но святости тут никакой нет, видать, в насмешку назвали... Ей-богу, сударь, я оказался здесь случайно, но этот негодяй пообещал меня выпороть, а потом повесить!

– За что же? – поинтересовался я, уже догадываясь о роде занятий того, кто стоял передо мной.

– Крест святой, не знаю! – Малый перекрестился левой рукой, не выпуская оружия из правой. – Я же говорю – негодяй! Он пожаловался графу, будто я промышляю охотой в его лесу!

Я внимательно посмотрел в честные глаза этого парня (он был моим ровесником, может быть – самую малость старше) и понял, что передо мной плут, каких мало. Тем не менее я испытал к нему неожиданную симпатию и спросил, как его зовут.

– Бонифаций, – ответил тот. – И клянусь вам, ваша милость, никогда бы мне и в голову не пришло браконьерствовать в лесу его сиятельства. Да одного взгляда на рожу лесничего достаточно, чтобы понять: это он сам же и охотится, а потом сваливает на честных крестьян свои грехи!

– И как же ты, Бонифаций, оказался в этом лесу, да еще с мушкетом? Кстати, – принявшись, я почувствовал кислый запах пороха, – сдается мне, из мушкета твоего стреляли совсем недавно.

Бонифаций посмотрел на свое оружие, и испуг на его круглом добродушном лице сменился таким изумлением, словно он только сейчас обнаружил, что именно сжимает его правая рука.

– И правда... – протянул он. – Откуда он только взялся, этот мушкет? А не подобрал ли я его там, в лесу? Я, видите ли, страдаю редким недугом, ваша милость. Я хожу во сне, с закрытыми глазами. Бывает, вдруг проснусь и не могу понять – куда же я пришел? Вот и сегодня: проснулся посреди леса, – он протянул мне мушкет, – вот с этой штукой в руке!

– Да вы редчайший человек, господин Бонифаций! – ответил я, стараясь сохранять серьезность. – До сих пор известно было, что иные люди ходят ночью, под воздействием лунного света. Вы же бродите во сне днем! Поистине небывалый случай.

Брови моего собеседника поползли вверх. Оглядевшись по сторонам, он покачал головой и растерянно сказал:

– И опять ваша правда, сударь. Надо же! Бродил-то я точно во сне. Но, очнувшись в лесу, не смог из него выбраться! И мушкет этот, неведомо откуда взявшийся, я, как видно, не выбросил исключительно из опасений за свою жизнь: тут ведь и волки водятся, и медведи, а уж кабанов тьма-тьмущая! Говорю же – Святым-то Лесом здешняя чаща прозвана в насмешку, потому как нечистая сила тут всюю веселится: и вампиры, и оборотни, и прочие чудища. Я ведь, сударь, и вас принял то ли за колдуна, то ли... – Тут Бонифаций изумленно вытаращил глаза и хлопнул себя по лбу: – А не черт ли этот самый лесничий? Но тогда его хозяин – колдун, каких мало, и непременно закончит жизнь на костре. Только вот помяните мое слово, сударь, он из костра выберется целым и невредимым.

Тут я не выдержал и громко расхохотался: уж больно серьезной выглядела бесхитростная физиономия этого плута. На это он опять испуганно оглянулся и приложил палец к губам. Но я уже принял решение и, отсмеявшись, сказал:

– Ладно, господин Бонифаций. А лесничий знает вас в лицо?

Браконьер покачал головой.

– Нет, сударь. Он меня ни разу не видел, но какой-то подлец донес.

– А, ну прекрасно, – сказал я. – В таком случае, подайте-ка мне ваш мушкет.

Он с готовностью выполнил приказание. Я зарядил мушкет и, прежде чем Бонифаций успел меня остановить, выстрелил вверх. Одновременно я крикнул:

– Эй, есть тут кто-нибудь! Эгей!

Горе-охотник едва не пустился бежать без оглядки, но я удержал его свободной рукой.

– Стой, дурачина! Ты – мой слуга, – быстро сказал я, садясь в седло. – Возьми мушкет, помалкивай и ничего не бойся.

Сообразительный Бонифаций тотчас водрузил мушкет на плечо, надвинул шляпу по самые брови, а свободной рукой ухватился за стремя.

Через мгновение мы услышали шум, и на поляну вышли несколько человек, вооруженных мушкетами и старыми аркебузами. Их возглавлял средних лет мужчина в зеленом камзоле и зеленой шляпе. Это и были слуги графа де Пейрака, возглавляемые лесничим.

При виде их я радостно воскликнул:

– Слава богу, наконец-то! Как хорошо, что мой слуга догадался выстрелить! А то – кричи, не кричи, в этой чаще помощи не дождешься!

– Сколько же раз он стрелял, ваша милость? – спросил лесничий подозрительно.

– Трижды! – воскликнул я, на всякий случай увеличив число сигналов о помощи, якобы поданных мною. В результате преступный выстрел браконьера должен был среди них затеряться. – Трижды, сударь! И лишь сейчас вы услышали.

– Мы слышали два выстрела... – начал было лесничий, но махнул рукой. Видимо, он никак не ожидал встретить в лесу путешествующего в сопровождении слуги дворянина. Скользя взглядом по шпаге и притороченным к седлу пистолетам, он коснулся шляпы и вежливо поинтересовался, не встречался ли нам недавно некий негодяй, охотящийся в графском лесу. Я так же вежливо ответил, что нет, посетовал на всеобщее повреждение нравов, пожелал ему поймать браконьера и вздернуть на ближайшем дереве.

– Мой покойный батюшка вел с такими негодьями настоящую войну, – завершил я. – Позвольте представиться, де Пор... – я на минуту запнулся, соображая, каким именем назваться. Мне не хотелось называть своего настоящего имени никому – ни слугам графа Пейрака, ни кому бы то ни было еще. Поэтому я закончил первым пришедшим на ум слогом: – ...тос. Да, вот так. Меня зовут Портос. А это – мой слуга... – я оглянулся на своего спутника. Мушкет, величественно покоившийся на его широком плече, натолкнул меня на счастливую мысль, и я представил его: – ...Мушкетон.

Лесничий назвал себя. Я еще раз выразил живейшую радость его появлению, объяснив, что мы случайно заплутали, и попросил указать дорогу, а заодно поинтересовался ближайшим постоянным двором. От ночлега в имении графа де Пейрака я вежливо отказался, получил подробные разъяснения, учтиво поблагодарил, и мы так же неспешно двинулись дальше – хотя Бонифацию, только что получившему новое имя, явно хотелось пуститься со всех ног.

– Послушай, друг мой, – сказал я, когда мы вновь оказались на дороге, которая вела в Париж, – ты очень внушительно выглядишь с мушкетом на плече. Ты силен и сметлив. Не хочешь ли попробовать себя в воинской службе? Нет-нет, я не вербовщик, и, говоря о службе, я имею в виду службу у меня. Я направляюсь в Париж, чтобы попытать счастья в одной из гвардейских рот его величества. И мне очень нужен слуга – ловкий и храбрый. Сдается мне, ты именно такой человек.

– Что же, господин Портос, – ответил Бонифаций после короткого раздумья. – Несмотря на то, что имя ваше звучит странно, мне оно нравится. Так же как мне нравится имя Мушкетон. Я даже чувствую, что оно лучше передает мои внутренние качества, чем прежнее имя. Да, сударь, я не прочь послужить у вас. Тем более, боюсь, делать мне здесь больше нечего. Но у меня есть условия.

– Что же, выкладывай свои условия, – я усмехнулся. – Может быть, я их приму.

Загибая короткие пальцы, Мушкетон сообщил, что вместо платы он готов служить у меня за кормежку и платье, но что одевать и кормить его я должен буду роскошно. Никакая другая плата ему не нужна, ежели я позволю ему несколько часов в день заниматься привычным ему ремеслом.

– Ты полагаешь, что в Париже есть места для браконьеров? – удивленно спросил я. – Черт возьми, конечно, я позволю тебе охотиться, дорогой Мушкетон, – если только ты найдешь где. Я сам порой люблю полакомиться дичью.

– Не волнуйтесь, сударь, – невозмутимо ответил этот пройдоха. – Уж я такие места найду где угодно. Отец мой, царство ему небесное, немало позаботился о том, чтобы выработать у меня настоящий охотничий нюх. И дичь моя вам придется по вкусу. Ах, ваша милость! Когда-нибудь я вам расскажу о моем покойном родителе. Уверяю вас, вы диву дадитесь, узнав о его сметке и умении предвидеть будущее!

– По рукам! – сказал я. – Надеюсь, если я буду одевать тебя в собственное платье, ты сочтешь такую одежду достойной? Насчет же кормежки – я и сам, признаться, любитель пулярок и каплунов, приготовленных под хорошим соусом.

Как выяснилось почти сразу, я нашел в бывшем браконьере веселого и разговорчивого спутника. Всю дорогу до постоялого двора он развлекал меня рассказами, в которых причудливо переплетались вымысел с правдой. И то и другое дополнялось житейскими суждениями, удивительно мудрыми для такого молодого человека. А еще я почувствовал его искреннюю привязанность ко мне – и за помощь в критической ситуации, и за выказанную симпатию. До постоялого двора мы добрались уже при лунном свете – и появились там не столько хозяином и слугой, сколько добрыми товарищами.

Ужин в придорожной харчевне оказался неожиданно хорош. Я изрядно проголодался, мой новый слуга – тоже. Нам подали отличный суп из угря с шампиньонами и орехами, а на второе – жареную щуку. Оказалось, что Мушкетон отличался не только отменным аппетитом, но и вкусом, неожиданно тонким для простолюдина. На мой удивленный вопрос Мушкетон

ответил, что стряпня – его давнее увлечение, второе после охоты. Это лишь подтвердило мне удачность выбора. За ужином мой слуга развлекал меня удивительными историями, большая часть которых представляла собою небылицы столь занятные, что я слушал, разинув рот и позабыв о еде. Он же ни на минуту не останавливался, так что быстро управился со своей порцией, когда я только приступал к жаркому из щуки. Тяжело вздохнув, Мушкетон вдруг сказал:

– Знаете, сударь, а ведь щука – самый что ни на есть настоящий речной волк. Пожирает все, что подвернется. Даже утопленниками не брезгует. Меня иной раз озноб пробирает, как подумаю, что щука, поданная нам к ужину, сама недавно поужинала какой-нибудь несчастной, утопившейся с горя. И значит, мы в каком-то смысле поедаем человеческие останки.

От этого замечания у меня мгновенно пропал аппетит, а плут тотчас очистил мою миску от «речного волка». Его уловка больше развеселила меня, чем разозлила. И я сказал:

– Друг мой, ты находчив и остроумен, но впредь, если ты будешь упражняться в остроумии со мной, твое здоровье может изрядно пострадать, – и я внушительно покрутил кулаком перед его носом.

Не знаю, действительно ли он испугался трепки или притворился испуганным. Во всяком случае, когда хозяин подал нам анжуйского, Мушкетон не рискнул протянуть руку к бутылке до тех пор, пока я, смилостивившись, не кивнул ему.

Выпив вина, он снова заговорил о своем отце.

– Ах, сударь, мой отец был поистине великим человеком! – сказал он. – Я многому у него научился – и выслеживать зверя, и ставить силки, и – что уж тут скрывать – уходить от егерей.

– Он, значит, тоже браконьерствовал в здешних местах? – спросил я.

– Нет, сударь, отец мой родом из Нормандии. А здесь я оказался случайно.

Из дальнейшего выяснилось, что отец моего доброго слуги был самым настоящим разбойником, выходявшим на большую дорогу с дубинкой и мушкетом.

– Он был очень силен, господин Портос. Конечно, послабее вас, – добавил Мушкетон, уважительно поглядывая на мои кулаки, – но все равно, весьма силен. А еще он был очень богобоязненным человеком.

На замечание относительно того, что богобоязненность плохо сочетается с грабежом ближних, Мушкетон ответил, удивленно хлопая глазами:

– Но как же, сударь! Я несколько раз читал Святое Писание и, уверяю вас, ни слова не нашел там насчет того, что будто бы католику следует считать гугенота ближним!

– Так твой отец был католиком и грабил только гугенотов? – догадался я.

– И да, и нет, – Мушкетон почесал в затылке. – Вообще-то он грабил и тех и других, но, как бы это сказать... Видите ли, он был человеком сомневающимся, как всякий, обладающий быстрым умом. Временами ему казалось, что истина – на стороне гугенотов. И тогда он, разумеется, обирал только католиков, считая их папистами и лицемерами. Но иной раз он начинал чувствовать, что к истине ближе взгляды католиков, и тогда объявлял гугенотов еретиками и предателями. Ну и... – он развел руками.

– Понятно, – я почувствовал искреннее восхищение широтой взглядов этого человека. – Скажи-ка мне, ты, как я понимаю, тоже сомневаешься в том, что истина всегда на одной стороне?

Мушкетон вздохнул.

– Нет, сударь, – грустно сказал он. – Воспитание не позволяет. Отец вырастил меня добрым католиком. А брата – таким же добрым протестантом. Не знаю, где он сейчас, но надеюсь, что он жив. Возможно, добрался до Ла-Рошели. Там ведь сейчас много гугенотов.

– Мушкетон, – сказал я серьезно, – а ведь мы, если окажемся в армии, можем попасть под Ла-Рошель. Я слышал, что его величеству не нравится протестантская крепость. И тогда именно твоя пуля может оказаться смертельной для твоего брата.

– Что же, если придется стрелять – будем стрелять, – меланхолично ответил Мушкетон. – Просто в таком случае я постараюсь ни в кого не попасть. Это не трудно, нужно только целиться как следует.

После ужина мы расположились на ночлег. Хозяин устроил нас в большой комнате над харчевней. Кровать занял я; Мушкетону пришлось довольствоваться охапкой сена, накрытой плащом. Он нисколько не роптал, растянулся – и тут же уснул. А вот я, несмотря на удобство, долго не мог уснуть. Темнота вновь вернула мои недавние воспоминания. И вновь перед моими глазами вставали картины недавнего прошлого – подземная комната с полом, покрытым слоем песка, раненый незнакомцем отец, странное платье, хранившееся в сундуке.

Бодрствование перешло в сон, а во сне я фехтовал с каким-то многоруким чудовищем, которое всякий раз оказывалось у меня за спиной, – и так до тех пор, пока Мушкетон не разбудил меня, крепко взяв за плечо.

Утром, по совету моего нового слуги, я сторговал у хозяина постоялого двора пегую кобылку, старую, но резвую. Действительно, глупо было появляться в Париже вдвоем на Вулкане; заставлять же доброго малого сбивать себе ноги на долгом пути было слишком жестоко.

На мой взгляд, заплатив за старенькую лошадь двенадцать экую, я переплатил; Мушкетон компенсировал наши убытки десятком бутылок отличного вина, которые он, по его словам, позаимствовал в погребе, пока я вел торг с хозяином. Признался он в этом лишь тогда, когда мы удалились от постоялого двора на четыре лье; я же поначалу не обратил внимания на невесть откуда взявшиеся объемистые сумки, притороченные к его седлу.

В дороге я вспомнил о нашем вчерашнем разговоре на богословские темы и спросил, неожиданно для самого себя, какого мнения мой слуга о евреях.

– Сударь, – проникновенно ответил он, – да хранит нас Бог от этих исчадий дьявола!

Меня неприятно кольнули его слова, и я поинтересовался, имел ли он опыт общения с теми, о ком отозвался столь неприязненно.

– Слава Богу, нет, – честно признался Мушкетон. – Но слышал немало и скажу вам, господин де Порту: не приведи Бог нам попасть в лапы еврею-ростовщику. Хорошо, если вырвемся голыми и босыми, но живыми! Представьте, – он доверительно понизил голос, – мне рассказывали, что один еврей требовал от должника в уплату вместо процентов фунт его собственного мяса! И хотел получить его открыто, через суд! Страсти какие! – он перекрестился. – Хорошо, судья оказался мудрый и изворотливый, так что жестокий заимодавец оказался посрамленным. А ну как другой был бы на его месте – вот такой же тупица, к примеру, как лесничий графа де Пейрака?

– И где же случилась эта ужасная история? – спросил я, изо всех сил стараясь говорить непринужденно.

– Точно не знаю, – ответил Мушкетон. – Говорят, где-то в Италии. Да и у нас эти чудовища ничуть не менее кровожадны, уверяю вас, сударь! Вот, слышал я, они и младенцев похищают – то ли для черной магии, то ли еще зачем... – и он поведал мне еще более страшную историю о том, как парижские евреи однажды купили у какой-то нищенки ее новорожденного сына. Об этом узнали, и сбиры нагрянули в дом к еврейскому богачу в тот самый момент, когда собравшиеся там преступники резали младенца на куски и собирали его кровь в специально приготовленные кубки. – Ясное дело, – закончил он, – их всех тут же и арестовали, пытали, а после сожгли на площади. А замученного младенца схоронили на кладбище, так, говорят, на могиле даже зимой цветут белые розы. И розы эти от любого недуга исцеляют.

По счастью, его кобылка в это время отчего-то заупрямила, так что он немедленно отстал и не увидел выражения моего лица.

Удивительное дело – еще два дня назад мне не пришло бы в голову интересоваться тем, кто такие евреи. И уж подавно не могло бы у меня испортиться настроение из-за того, что такой приятный человек, как мой слуга, относится к ним со страхом и неприязнью. Теперь

же его слова остро уязвили меня. Неужели это могло быть правдой? Неужели и я, и мой благородный отец, и ученейший священник отец Амвросий принадлежим к жестокому и кроваво-жадному народу ростовщиков и адептов черной магии? А тот неизвестный парижанин, Исаак Лакедем, письмо к которому лежало во внутреннем кармане моего камзола, он тоже творит по ночам что-то вроде черной мессы? А мать, моя бедная мать, о кончине которой я тайне горевал все эти годы, – неужели она могла участвовать в ритуальных убийствах похищенных или купленных младенцев? Такое просто не укладывалось в голове!

Я чувствовал, что злые слезы душат меня и вот-вот потекут по моему раскрасневшемуся лицу. Что за несчастную судьбу уготовили мне небеса! Отныне я должен был мириться с Каиновой печатью на лбу. Но если Каин был заклеимен заслуженно – как первый убийца на земле, – то я за что же? Разве я выбирал родителей и народ, к которому они имели несчастье принадлежать? Сейчас я готов был поменяться местами с любым нищим, не связанным кровными узами с презренным племенем. Но – увы! Не суждено человеку управлять тем, что в руках Творца...

Бессилье – вот что мучило меня более всего. Я ничего не мог изменить! Я рожден был в еврейской семье, надо мной был совершен еврейский обряд, и, значит, как бы я ни старался, как бы из кожи вон ни лез – никуда не уйти мне от собственного происхождения. Пока что я решил таковое скрыть и, может быть, даже отказаться от имени. При этой мысли я испытал смущение, даже стыд – в конце концов, мой отец ничуть не изменился с тех пор, как я узнал правду о своей семье, он оставался тем же благородным господином де Порту, каким был всегда. Попытка убедить самого себя в том, что изменение фамилии и имени не могло считаться предательством по отношению к отцу – всего лишь мера предосторожности, такая же, как и отъезд из Ланна, на котором он сам настаивал, – не очень-то удалась.

И конечно же, я твердо решил ни под каким видом не обращаться к отцовскому знакомцу Исааку Лакедему.

В то же время я помнил слово, которое дал самому себе у двери отцовской спальни, – отомстить убийце. Как я смогу это сделать, не зная о нем толком ничего, я не представлял. Перед самым отъездом я подробнейшим образом расспросил Селестена и других слуг о внешности таинственного незнакомца, каких-то приметах, по которым я мог бы узнать в случайном встречном своего врага. Их рассказы столь разнились друг от друга, что я так и не смог составить сколько-нибудь точного представления о его внешности. Гийом утверждал, что Жаиме был высокого роста, никак не ниже меня; Селестен же и Жак твердили в один голос, что незваный гость был, скорее, невысок, но сидя в седле казался высоким из-за особенностей посадки. По их словам, он был смуглым, с иссиня-черными волосами, гладко выбритым. «И с очень недобрый взглядом», – несколько раз добавил Селестен. Правда, не смог при этом ответить на вопрос, какого цвета были глаза у господина Жаиме. Жак говорил, что глаза у него были светлыми, Гийом, напротив, – что убийца обладал глубокими черными глазами «с дьявольским огнем». Так же по-разному они описывали и голос Жаиме.

По такому описанию вряд ли мне удалось бы отыскать того, кто убил моего отца. В то же время меня не оставляла уверенность в том, что наши дороги рано или поздно пересекутся. И я подозревал, что отец перед смертью думал о том же.

Мушкетон, справившись, наконец, с норовистой лошадей, подъехал ближе. Принятые решения ничуть не улучшили моего состояния. Я по-прежнему чувствовал себя отвратительно и более не склонен был поддерживать болтовню с моим слугой. Мушкетон мое молчание истолковал по-своему и сказал успокаивающе:

– Да будет вам, вы не волнуйтесь, ваша милость! Уж ежели понадобится вам что-нибудь заложить – ну, хоть ваши превосходные пистолеты, – найду я вам в Париже доброго француза-католика, который и процент честный даст, и никаких козней вам строить не будет! Как-нибудь без иудейских царей обойдемся, помяните мое слово.

Глава четвертая, *в которой я прибываю в Париж и свожу знакомство с одним мушкетером*

Вряд ли удастся описать словами те чувства, которые вызвал во мне Париж при первом знакомстве. Многие мои ровесники в Гаскони, даже те контрабандисты, от дружбы с которыми предостерегал меня отец, втайне мечтали об этом городе. Разумеется, Париж был не просто городом и даже не просто столицей Франции – он был местом, где сбываются мечты, самые смелые и даже сказочные. Здесь, и только здесь можно было достичь славы, богатства и положения. Я был честолюбив – не больше, но и не меньше прочих, я знал себе цену (возможно, она была немного завышена), я был уверен в себе, несмотря на предотъездные события, временами погружавшие меня в уныние. Словом, я был типичным молодым гасконцем, мечтавшим завоевать Париж. И оглядывал я вожделенный город взором завоевателя, а не просителя – даром что армия моя состояла из двух человек. Химеры собора Парижской Богоматери, мрачная громада Бастилии, словно продавливавшая землю тяжестью зубчатых стен, даже старый королевский Лувр – все это я оценивал будто собственность, доставшуюся мне по праву сильного. Читатель поймет и простит подобные чувства, если вспомнит, что было мне от роду всего-то восемнадцать лет.

Я въехал в Париж через Сен-Антуанские ворота, миновав по дороге городок Менг, который я поначалу принял за сам Париж – настолько он казался многолюдным и шумным по сравнению с моим родным Ланном. Нечего и говорить, что столица тем более произвела на меня при первом знакомстве ошеломляющее впечатление. Мы с Мушкетеном следовали узкими живописными улочками, так не похожими на хорошо знакомые мне улицы По и Тарба. От пестрых толп торговцев, носильщиков и цветочниц у меня рябило в глазах, а палатки фокусников на Новом мосту поразили мое воображение больше, чем мрачноватый дворец короля Людовика XIII. Я поражался бесконечным караванам барж, следовавших по Сене; лепившиеся по обе стороны реки лачуги бедняков напоминали муравейник, а набережная Железного Лома походила на огромный арсенал, раскинувшийся под открытым небом. Здесь можно было задешево купить любое оружие – от мечей времен короля Генриха II и до отличных клинков для шпаги.

Впрочем, вскорости я перестал обращать внимание на дома и строения, на лавки и мастерские. Куда больше меня заинтересовали люди, парижане. Они казались мне удивительно шумными и богато одетыми. Заметив, что моя персона, в свою очередь, вызывает у горожан ответное внимание, я пришпорил Вулкана, а левую руку горделиво положил на эфес отцовской шпаги. Увы! Стать моего коня и моя собственная искусная посадка, даже то, что меня сопровождал верховой слуга, не произвели на парижан ровным счетом никакого впечатления. Разве что некоторые, скользнув взглядом по пистолетам, притороченным к седлу, и мушкету, покоившемуся на широких плечах Мушкетона, спешно уступали дорогу.

Я остановился в харчевне, недалеко от городских ворот и поручил Мушкетону разыскать сносное жилье. Пока же, избавившись, наконец, от печальных мыслей, я с удовольствием пробовал местное вино (оно показалось мне превосходным), разглядывал сидевших за соседними столами (они выглядели довольными жизнью и веселыми людьми) и мечтал о той минуте, когда наконец-то надену голубой мушкетерский плащ³ с крестами и королевскими лилиями (минута

³ Знаменитый мушкетерский плащ почему-то именовался плащом «a la casaque» («в казачьем стиле»). Возможно, этот фасон плаща (несшитые, «разлетающиеся» рукава) был позаимствован из польской мужской одежды Генрихом III, который успел побывать королем Польши. Во всяком случае, один из законодателей тогдашней моды и один из миньонов короля, герцог

казалась мне совсем близкой). Воздух Парижа словно зарядил меня той изрядной долей оптимизма, которую я едва не утратил в дороге.

Вернувшись, слуга сообщил, что ему порекомендовали район, именуемый «Юдолью печали». Там проще всего было снять жилье для приезжего – во-первых, недорого, во-вторых – недалеко от гвардейских казарм, в-третьих – вполне прилично.

Правдой оказалось только первое утверждение. Жилье здесь действительно стоило недорого. Можно даже сказать, дешевле, чем в любом другом месте Парижа. Причина была в том, что строения на этой набережной, зажатой между Новым мостом и мостом Менял, с завидной регулярностью смывало в Сену при каждом мало-мальски серьезном наводнении. Потому и жилища эти представляли собою жалкие лачуги, а кабаки и прочие увеселительные заведения вызывали стойкое стремление к длительному посту и полному воздержанию. Тем не менее я с удивлением обнаружил, что вечерами здесь было многолюдно, причем большая часть завсегдатаев были военные: швейцарцы, мушкетеры, гвардейцы других рот. Что же до близости к гвардейским казармам – это оказалось чистой выдумкой: казармы мушкетеров, как и других рот «Мэзон дю Руа», располагались в Немурском предместье. О приличиях же речь не шла вообще.

Из всего, что можно было найти для временного ночлега, я выбрал одно помещение, относительно чистое и удобное – во втором этаже заведения «Старый Рыбак». Первый этаж занимала таверна, а комнаты второго хозяин сдавал провинциалам вроде меня. Я заплатил за месяц вперед, после чего сразу же отправился на разведку. Мушкетон с моего позволения занялся тем, что он называл «своим ремеслом».

К большому смущению, я обнаружил, что мое платье, казавшееся мне всегда изысканным и даже щегольским, совсем не воспринималось парижанами точно так же. В их глазах я был типичным провинциалом, обрядившимся по испанской моде – как одевались во времена славного короля Генриха. Поэтому мне пришлось потратить деньги не только на приобретение двух запасных клинков на набережной Железного Лома, но и переоблечься в более современную одежду, расставшись со старомодными короткими штанами и длиннополым камзоллом, застегивавшимся на крючки до самой шеи. Вместо них на мне теперь красовались темно-коричневый кожаный колет, плотно облегающий фигуру, свободного покроя кюлоты из синего бархата, украшенные по шву и ниже колен синими же шелковыми лентами. Не мог я отказать себе и в высоких ботфортах с красными каблуками. Бархатный берет, обычный для моих родных мест, я тоже сменил на широкополую шляпу с перьями. Довершил же мое новое облачение длинный плащ из алого бархата, восхитивший меня, едва я его увидел у торговца на набережной Сены. Теперь я был обряжен в платье не только современное, но и весьма воинственное – благодаря алому плащу и длинной отцовской шпаге. Я бы, пожалуй, и оба пистолета носил с собою, но Мушкетон заметил, что городские власти, возможно, на ношение пистолетов смотрят косо.

Словом, потратив добрую половину денег на обновление платья, я самоуверенно полагал, что никаких преград для достижения поставленной цели у меня нет. Увы... Первые же шаги в направлении желанного поприща показали мне с ужасающей ясностью, что никаких шансов на вступление в какую-нибудь гвардейскую роту я не имею и что, скорее всего, мне придется завербоваться в армию простым солдатом – благо войны случаются во все времена. В особняке графа де Тревиля на улице Старой Голубятни меня не приняли. Корнет роты господин де Мопертьюи, мой ровесник, вежливо объяснил мне, что вакансий сейчас нет и в ближайшее время не предвидится. Тот же прием ждал меня и в гвардейской роте барона Дезэсара – зятя Тревиля. Памятуя слова отца о плохих отношениях с Тревилем, я не смог воспользоваться

д'Эпернон, во времена Людовика XIII как раз и командовал всей королевской гвардией (в том числе и мушкетерами). А почему польская одежда стала именоваться «казацкой» – тут достаточно посмотреть на парадные портреты гетмана Запорожской Сечи Богдана Хмельницкого.

даже такой лазейкой, как происхождение, – хотя уже успел узнать, что землякам-гасконцам командир мушкетеров старается помочь. Я попытал счастья в других подразделениях гвардейского корпуса. Увы! И в жандармской роте, и в роте легкой кавалерии результаты были те же. Сейчас не могу сказать, почему мне не пришло в голову обратиться еще и в роту мушкетеров первого министра – его высокопреосвященства кардинала Ришелье. Во всяком случае, «красные» мушкетеры оказалась единственным подразделением, в которое я почему-то не пытался поступить. Я даже набрался решимости (или молодого нахальства) явиться к командующему всей королевской гвардией – самому генерал-полковнику д'Эпернону. К счастью для меня, герцога в тот момент не оказалось в Париже. К счастью – потому что отчаяние мое достигло предела. Я мог учинить беспорядки во дворце д'Эпернона, после чего сгинуть – уже навсегда – в стенах Бастилии. Как я уже говорил, герцог оказался в отъезде. Благодаря этому Бастилия лишилась в лице моей особы непокорного узника, я же сохранил крохотный шанс на зачисление в гвардию – или в крайнем случае в какой-нибудь армейский полк. Но для последнего не хватало самой малости – начала военных действий. В трактирах и передних важных лиц, правда, поговаривали об ожидаемой осаде протестантской Ла-Рошели и, как следствие, возможной войне с англичанами. Пока это оставалось вопросом хоть и ближайшего, но все-таки будущего. Сегодняшний же день рисовался мне в черных тонах.

Да, слишком многие мои ровесники-провинциалы приезжали в Париж с такой же целью, что и я. Неудивительно, что в гвардию принимали только по серьезным рекомендациям. А рекомендаций я представить не мог. Понятно, что для уныния у меня было достаточно поводов. Все чаще я пребывал в скверном настроении и вечерами бродил по улицам казавшегося мне враждебным, незавоеванного мною Парижа и искал возможности дать выход копившемуся раздражению.

Дважды мне это удалось. Один раз я примерно проучил двух шалопаев, пытавшихся ночью сорвать с меня мой новый плащ. Среди дворянской молодежи Парижа такое развлечение почему-то было очень распространено. Но мне оно не нравилось, что я немедленно и дал почувствовать праздным гулякам. Во всяком случае, одного из них удар моей шпаги должен был надолго отправить в постель, второго же я лишь слегка уколол в руку. Несмотря на это, он убежал, бросив шпагу и своего серьезно раненного товарища. Пришлось мне самому отнести незадачливого шутника к воротам монастыря кармелиток и оставить его там на попечение сестер-монахинь. В другой раз на меня напали уличные грабители, которыми кишмя кишел район «Юдоли печали». Несмотря на то что сбирь, назначенные главным заместителем полиции, большую часть времени тратили на то, чтобы изымать оружие у тех, кому оно не полагалось, редкий парижанин рисковал выходить в ночное время на улицу, не запасшись хотя бы кинжалом – если положение не позволяло ему обзавестись шпагой. Нападавших было пятеро, но, на мое счастье, вооружены были только двое – их-то я и приколол с такой скоростью, что остальные даже не успели заметить. Еще одному я сломал челюсть. Четвертому повезло меньше других: я настиг его на мосту, потому короткая стычка для него завершилась в Сене, на изрядной глубине. Последний же пустился наутек.

К сожалению, два этих случая с большой натяжкой могли быть названы воинскими подвигами. И уж конечно, я мечтал совсем о других боях и других походах. Так что к концу первого парижского месяца я совсем пал духом. Путь в будущее, представлявшийся мне ранее ровной широкой лестницей, оказался если и лестницей, то узкой, винтовой, со сломанными перилами и зияющими провалами вместо ступеней. Деньги, взятые из дома, подходили к концу. Я уже подумывал о том, чтобы заложить оба пистолета и, возможно, даже продать Вулкана. Последнее обстоятельство приводило меня в полное уныние. Но к рекомендованному мне отцом Исааку Лакедему я все еще не хотел обращаться – хотя письмо к нему, изрядно потертое, лежало во внутреннем кармане моего нового колета. Может показаться странным, но мне даже в голову не пришло вскрыть его и прочесть, что именно написал Авраам де Порту старому

своему знакомому. И дело было вовсе не в отсутствии любопытства – я просто инстинктивно старался отрешиться от всего, связанного с обстоятельствами моего происхождения. Обилие мрачных и опасных тайн, обрушившееся на меня, должно было остаться в прошлом. Пока же, впрочем, настоящее совсем не радовало, а будущее невозможно было разглядеть.

Нельзя сказать, что я сразу же погрузился в пучину отчаяния. Нет, первые недели каждый вечер, прежде чем отойти ко сну, я вслух предавался мечтам о будущей карьере. В мечтах я рисовался себе как минимум маршалом Франции, героем и, конечно, богачом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.